

АРТУРО ПЕРЕС-РЕВЕРТЕ

КАРТА НЕБЕСНОЙ СФЕРЫ, или Тайный меридиан

Большой роман

Артуро Перес-Реверте

**Карта небесной сферы,
или Тайный меридиан**

«Азбука-Аттикус»

2000

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44

Перес-Реверте А.

Карта небесной сферы, или Тайный меридиан / А. Перес-Реверте — «Азбука-Аттикус», 2000 — (Большой роман)

ISBN 978-5-389-23065-1

1767 год, февраль. Близ берегов Испании, вступив в бой с пиратами, гибнет парусник «Деи Глория», принадлежащий ордену иезуитов. Единственный спасшийся человек, юнга, не успев дать полностью показания о случившемся, таинственным образом исчезает. Все, что он успел сообщить до своего исчезновения, – это координаты места трагедии... Испания, наше время. Штурман Мануэль Кой, на время лишенный права заниматься судовой деятельностью за то, что во время вахты посадил судно на мель, знакомится на аукционе с девушкой, купившей за большие деньги старинную морскую карту. Танжер Сото, сотрудница музея в Мадриде, маниакально одержима идеей найти погибший корабль, шедший, как она полагает, с грузом чрезвычайной важности. Коя она берет в помощники как опытного специалиста по навигации. Девушке прекрасно известно, что она перешла дорогу могущественным и опасным силам, способным пойти на все, только бы устранить соперницу. Но это ее не останавливает... В лучших традициях «Клуба Дюма» и «Фламандской доски»!

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44

ISBN 978-5-389-23065-1

© Перес-Реверте А., 2000

© Азбука-Аттикус, 2000

Содержание

Артуго Перес-Реверте	6
I. Лот № 307	7
II. Трафальгарская витрина	23
III. Затерянный корабль	36
IV. Долгота и широта	51
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Арту́ро Перес-Реверте

Карта небесной сферы, или Тайный меридиан

Copyright © 2000 by Arturo Perez-Reverte

© Н. В. Малыгина (наследники), перевод, 2004

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Иностранка®

* * *

Морская карта – не просто навигационное пособие, необходимое для того, чтобы попасть из одной точки в другую; морская карта – это и гравюра, и страница истории, а иногда – и приключенческий роман.
Жак Дюпюэ. Моряк

Вглядимся в эту ночь. Она почти совершенна, Полярная звезда сияет на своем месте – на воображаемой прямой, проведенной через Мерак и Дубхе, бегу и альфу Большой Медведицы, в точке, которую получаешь, пять раз отложив направо расстояние между ними. Полярная звезда будет пребывать здесь еще двадцать тысяч лет; увидев ее там, наверху, утешится каждый путник, ибо хорошо, что есть нечто неизменное, когда надо прокладывать курс и по морской карте, и по окутанному туманом ландшафту жизни. Если еще некоторое время посмотрим на звезды, мы легко обнаружим Орион, потом – Персея и Плеяды. Это совсем не трудно, поскольку ночь очень ясная, на небе ни облачка и даже ветра нет. Зюйд-вест улегся на закате, и гавань – как черное зеркало, в котором отражаются огни портовых кранов, освещенных замков, стоящих высоко над морем, и проблески – слева зеленый, справа красный – маяков Сан-Педро и Навидад.

А теперь подойдем поближе к тому человеку. Опираясь на парашют, он стоит неподвижно. Смотрит в небо, тьма которого к востоку заметно густеет, и думает, что утром снова задует левантинец и снова поднимется волна. При этом кажется, будто он как-то странно улыбается, и, если предположить, что кто-нибудь сейчас видит его лицо, освещенное снизу огнями порта, он, несомненно, говорит себе: можно улыбаться и получше – не так горько, не так безнадежно. Но мы-то знаем, в чем причина. Знаем, что последние недели в море, в нескольких милях отсюда, ветер и волны играли жизнью этого человека. А теперь все это уже не имеет никакого значения.

Не будем упускать его из виду – ведь именно его историю мы начинаем рассказывать. Посмотрев вместе с ним на порт, мы различим огни корабля, который медленно отходит от причала. Из-за дальности расстояния, из-за доносящихся сюда звуков города мы с трудом различаем приглушенный шум судовых машин и плеск вспененной винтами воды, но догадываемся, что в эти минуты команда укладывает в бухты последние метры только что отданных швартовых. Глядя на корабль с высокой горы, этот человек чувствует две разные боли: одна – там, где солнечное сплетение, она сделана из той же горькой тоски, что гримаса, которая похожа – мы скоро убедимся, что всего лишь похожа, – на улыбку. Но есть и другая боль, определеннее и острее, – она исходит с правой стороны: там мокрым холодом прилипла к телу рубашка, оттуда каплями по бедру, пропитывая ткань брюк, сочится кровь, выталкиваемая каждым сокращением сердца.

«К счастью, – думает он, – сегодня мое сердце бьется очень медленно».

I. Лот № 307

*Я избородил в долгих плаваниях океаны и библиотеки.
Герман Мелвилл. Моби Дик¹*

Мы могли бы назвать его Измаилом, однако на самом деле его звали Кой. Я узнал его в предпоследнем акте этой истории, когда он уже вот-вот должен был потерпеть кораблекрушение и плыть по волнам, подобно многим другим, на гробу, превращенному в спасательный буй, а китобойное судно под названием «Рахиль» тем временем ищет своих детей и не может утешиться, ибо нет их. Кой уже некоторое время лежал в дрейфе, когда решил заглянуть на аукцион «Клеймор», просто чтобы убить время. В кармане у него было совсем немного денег, а в номере пансиона неподалеку от Рамблас – несколько книг, секстант и диплом первого помощника, на который Главное управление торгового флота наложило запрет сроком на два года, и случилось это четыре месяца назад, после того как сухогруз «Исла Негра» водоизмещением сорок тысяч тонн сел на мель в Индийском океане в 4 часа 20 минут, то есть когда вахту нес Кой.

Кою нравились аукционы, на которых продавались вещи, связанные с морем, хоть он и не мог участвовать в торгах. Но «Клеймор», расположенный на втором этаже здания на Консел-де-Сент, притягивал его и тем, что там работал кондиционер, а после аукциона обносили шампанским, и клиентов обихаживала длинноногая девушка с приятной улыбкой. Что же до выставленных на аукцион предметов – он любил рассматривать их, представлять себе их судьбу, воображать, какие пришлось им перенести штормы до того, как они оказались выброшенными на этот последний берег. Засунув руки в карманы тужурки из темно-синего сукна, он весь аукцион внимательно следил, кто купит те предметы, которые особенно пришлись ему по душе. И часто бывал разочарован: например, великолепный водолазный скафандр с вмятинами и славными шрамами – он вызывал мысли о затонувших судах, подводных отмелях, о фильмах Жана Негулеско с гигантскими кальмарами и Софи Лорен, выходящей из воды в облепившей ее скульптурные формы рубашке, – покупал какой-нибудь антиквар, совершенно бестрепетно поднявший картонку с номером. А морской компас фирмы «Браун энд сан», старинный, в сохранившемся корпусе и прекрасно работающий, за который Кой душу бы продал, когда учился в мореходке, ушел за предлагаемую цену какому-то типу, явно не имеющему ни малейшего понятия о море; наверняка он выставит компас в витрине своего роскошного спортивного магазина, где его купят за сумму в десять раз большую.

На сей раз аукционист пристукнул молотком лот номер 306 – некогда принадлежавший итальянскому королевскому флоту хронометр «Улисс Нардин», который тоже ушел по первоначальной цене, – и заглянул в свои записи, придерживая очки указательным пальцем. Манеры у него были мягкие, вкрадчивые, хотя галстук, повязанный под воротничком рубашки цвета сомо, казался все-таки вызывающим. Между лотами аукционист мелкими глотками отхлебывал воду из стакана.

– Следующий лот – «Морской атлас побережья Испании» Уррутии Сальседо. Номер триста семь.

Это объявление он сопровождал почти незаметной улыбкой, которая – Кой понял это, наблюдая за аукционистом, – приберегалась для тех лотов, чью ценность он хотел подчеркнуть.

– Жемчужина картографии восемнадцатого века, – добавил он после соответствующей паузы, особо выделив «жемчужину», точно по-настоящему страдал, расставаясь с нею.

---

¹ Перевод И. М. Бернштейн. – Здесь и далее примеч. перев.

Помощник, молодой парень в синем халате, немного приподнял том ин-фолио, чтобы его увидели в зале, и Кой грустно поглядел на атлас. В каталоге «Клеймора» сообщалось, что купить его не так-то просто, потому что большая часть экземпляров находится в музеях и библиотеках. Этот экземпляр прекрасно сохранился; скорее всего, в море бывать ему не приходилось, иначе влажность, карандашные отметки и работа с картами обязательно оставили бы свои неустрашимые следы.

Аукционист объявил начальную цену – таких денег Кою хватило бы прожить полгода, почти ни в чем себе не отказывая. В первом ряду широкоплечий мужчина с большим лбом и длинными седыми волосами, собранными в косицу, – мобильный телефон этого человека звонил уже трижды, к возмущению публики, – поднял картонку с номером 11; взметнулись и другие картонки, и аукционист, высоко держа свой деревянный молоточек, внимательно следил за предложениями и подчеркнуто вежливо повторял их вслух, умело провоцируя дальнейший подъем цены. Заявленная цена увеличилась вдвое, и большинство желавших приобрести атлас сошли с дистанции. Борьбу вели только четверо: крепкий мужчина с седым хвостиком, худой бородач, женщина – Кой видел только половину ее светловолосой головы и руку с картонкой – и прекрасно одетый лысый господин. Когда женщина удвоила предложенную цену, тип с хвостиком рассерженно повернулся к ней, и Кой заметил его зеленоватые глаза, агрессивный профиль, большой нос и высокомерный подбородок. На пальцах, державших картонку с номером, сияло несколько золотых колец. Такой человек вряд ли стерпит, чтобы у него перебывали понравившуюся вещь. Он резко повернулся направо, к молодой, сильно накрашенной брюнетке, которая прежде отвечала тихим шепотом на звонки: вот ей-то теперь и пришлось испытать на себе все последствия плохого настроения босса – он вполголоса что-то раздраженно выговаривал ей.

– Будут еще предложения?

Тип с седым хвостиком поднял руку, светловолосая женщина тоже подняла картонку – ее номер был 74. Зал напряженно застыл. Худой бородач предпочел устраниваться, а после двух следующих повышений цены засомневался и хорошо одетый лысый господин. Тип с хвостиком поднял цену, снова зазвонил его мобильник, и все в зале нахмурились; секретарша передала ему телефон, он плечом прижал его к уху, одновременно воздев картонку с номером, чтобы ответить на новое предложение, только что сделанное светловолосой женщиной. В эту минуту весь зал болел за блондинку: все хотели, чтобы у типа с хвостиком кончились деньги или сел аккумулятор в телефоне. Уррутия в три раза превзошел заявленную сначала цену, и Кой обменялся веселым взглядом со своим соседом, маленьким смуглым человечком с густыми темными усами и гладко зачесанными назад набриолиненными волосами. Тот ответил на взгляд Коя вежливой улыбкой. Человечек стоял, сцепив руки на животе, и безмятежно крутил большими пальцами. Ростом он был мал, аккуратно, почти кокетливо одет, с галстуком-бабочкой в красный горошек и в пиджаке, являвшем собой помесь пиджака а-ля принц Уэльский и шотландского тартана, что придавало его владельцу чертовски британский вид – словно у турка, одетого от «Берберриз». Глаза его, немного навывкате, смотрели меланхолично и ласково, как у лягушек из детских книжек.

– Кто предложит больше?

Аукционист держал молоточек высоко, его вопросительный взгляд впился в типа с хвостиком, а тот уже отдал мобильный телефон секретарше и сердито смотрел на аукциониста. Его последнее предложение, ровно в три раза превышавшее исходную цену, перекрыла светловолосая женщина, чье лицо Кой, как ни старался, рассмотреть не мог. И было трудно определить, что именно так раздражает типа с хвостиком – слишком высокая цена или же компетентность и профессионализм, воплощенные в этой женщине.

– Дамы и господа, кто предложит больше? – очень спокойно спросил аукционист. Он обращался к типу с хвостиком, но ответа не получил. Все, кто был в зале, в напряженном

ожидании смотрели в том же направлении, что и аукционист. Кой тоже. – Значит, атлас уходит по этой цене, – видимо, она окончательная. Раз... два...

Мужчина с хвостиком вскинул руку с картонкой так резко, словно держал в ней кинжал. По залу прошелестел шепот, а Кой опять постарался разглядеть женщину. Картонка с ее номером тоже взметнулась вверх – блондинка перекрывала цену, предложенную конкурентом. Публика напряженно следила за поединком, словно речь шла о сражении не на жизнь, а на смерть, и за две минуты последовала быстрая серия ударов: еще не успевал опустить свою картонку номер 11, а вверх уже взлетал номер 74. Такой темп оказался чрезмерным даже для аукциониста, который дважды делал паузу и отхлебывал воду из стакана, стоявшего у него на пюпитре.

– Будут еще предложения?

К тому времени, когда атлас Уррутии стоил в пять раз больше, чем в начале торгов, номер 11 совершил ошибку. Может, не выдержали нервы, хотя, возможно, ошибку допустила его секретарша, когда в самый критический момент передала шефу вновь зазвонивший телефон: аукционист поднял молоточек, ожидая следующего предложения, а тип с хвостиком потерял темп, словно обдумывал, стоит ли продолжать. Ошибку, если она, конечно, была, можно бы приписать и самому аукционисту, который, вероятно, поторопился истолковать резкое движение номера 11 как знак досады и отказа от дальнейшей борьбы. Впрочем, может, никакой ошибки не было, поскольку и аукционисты, как прочие смертные, имеют свои пристрастия и предубеждения, и вполне вероятно, что этому аукционисту номер 74 был симпатичнее. Как бы то ни было, через три секунды молоточек стукнул по пюпитру, атлас Уррутии остался за светловолосой женщиной, лица которой Кою так и не удалось увидеть.

Лот номер 307 был одним из последних, и сессия завершилась без новых вспышек эмоций или инцидентов; человек с седым хвостиком больше в торгах не участвовал – еще до конца аукциона он встал и вышел под перестук каблуков секретарши; правда, уходя, бросил бешеный взгляд на блондинку. Она тоже больше ни разу не подняла свой номер. Худой бородач удовольствовался весьма недурной на вид подозрительной трубой, а суровый господин с грязными ногтями, сидевший прямо перед Коем, приобрел за цену, лишь немногим превышавшую начальную, модель корабля «Сан-Хуан Непомусено» длиной больше метра и в достаточно хорошем состоянии. Последний лот – набор старых морских карт Британского адмиралтейства – покупать никто не захотел. Аукционист объявил сессию закрытой, все поднялись и перешли в небольшой зал, где фирма «Клеймор» подносила клиентам по бокалу шампанского.

Кой поискал взглядом светловолосую женщину. При иных обстоятельствах он бы уделил больше внимания молоденькой девушке, которая направлялась к нему с подносом, уставленным бокалами. Девушка помнила его по предыдущим аукционам и, хотя знала, что он никогда не участвует в торгах, была явно к нему равнодушна, несмотря на его потертые вылинявшие джинсы и белые теннисные туфли, несколько странно дополнявшие тужурку темно-синего сукна с двумя рядами пуговиц, теперь уже скромных, из черной пластмассы: раньше на их месте сияли золотом пуговицы с якорьком торгового флота. На обшлагах виднелись следы споротых, тоже некогда золотых, офицерских нашивок. Но даже в таком увечном виде тужурка эта была Кою дорога – наверное, потому, что в ней он чувствовал свою связь с морем. Особенно когда бродил в окрестностях порта и мечтал о тех ушедших временах, когда вот так, слоняясь по причалам, еще можно было найти капитана, который примет тебя в свой экипаж, когда еще существовали дальние острова, где не представляло труда скрыться, настоящие вольные республики, где никто и слыхом не слыхал о запрете на профессию сроком на два года, куда не доходили повестки морского трибунала и ордера на выдачу. Тужурку эту, а также соответствующие брюки и фуражку сшили ему по мерке «Наследники Рафаэля Вальса» пятнадцать лет назад, когда он получил диплом второго помощника; Кой всегда брал ее во все рейсы и надевал в тех ситуациях – случавшихся все реже и реже, – когда от моряка торгового флота еще требовалось одеваться по форме. Он именовал ее «пиджаком лорда Джима» – очень подходящее

название в его нынешней ситуации – с того времени, когда, по собственному его определению, для него началась эпоха Конрада. Кой считал, что уже прожил эпоху Стивенсона и эпоху Мелвилла; и когда он решался поглядеть на тот след, что оставляет за кормой любой человек, в эти три эпохи укладывалась вся его жизнь, и третья – конрадовская – оказывалась самой несчастливой. Ему недавно исполнилось тридцать восемь, впереди простиралось двадцать бесконечных месяцев без моря, экзамен на капитанское звание был отложен на неопределенный срок, его выбросили на берег с такой характеристикой, от которой у любого судовладельца, чей порог он переступал, непроизвольно сдвигались брови; плата за комнату в пансионе неподалеку от Рамблас и ежедневные домашние обеды у Тересы безжалостно истощали его последние сбережения. Еще неделя-другая, и ему придется наниматься простым матросом на одно из тех прожавевших корыт с украинским экипажем и греческим капитаном, которые арматоры иной раз посылали с фиктивным грузом на верную гибель ради получения страховки. Выбор невелик: или нечто подобное, или надо устраиваться на берегу, но от одной мысли об этом Коя мутило, поскольку он обладал главным достоинством моряка (хоть на мостике «Ислы Негры» оно ему и не помогло) – интуитивным чувством неуверенности, которое иной раз трактуется как недоверие; понять это может только тот, кто в Бискайском заливе видел, как барометр за три часа падает на три миллибара, или тот, кому в проливе Ормуз внезапно перекрывает путь танкер водоизмещением полмиллиона тонн и длиной метров четыреста. Это очень неопределенное ощущение, какое-то шестое чувство; оно вдруг заставляет человека проснуться при малейшем изменении в режиме работы машин, или внушает ему тревогу при виде маленького черного облачка на горизонте, или вдруг ни с того ни с сего побуждает капитана появиться на мостике и словно бы невзначай все осмотреть. С другой стороны, это вполне естественно в такой профессии, где каждая вахта заключается, собственно, в том, чтобы сравнивать показания гирокомпаса и показания компаса магнитного – иными словами, сравнить одно неточное направление на север с другим, столь же недостоверным. А у Коя это чувство неуверенности, как ни парадоксально, только усиливалось, когда приходилось ступать по твердой земле. К несчастью или, наоборот, к счастью, он принадлежал к тому роду людей, для которых единственное нормальное место для жизни располагается не менее чем в десяти милях от ближайшего берега.

Он отпил шампанского из бокала, поданного длинноногой девушкой, одарившей его кокетливой улыбкой. Кой не был привлекательным мужчиной: роста ниже среднего, с чересчур широкими, мощными плечами, с массивными грубыми руками, унаследованными от отца, неудачливого торговца морским товаром; вместо денег тот оставил сыну еще и неуклюжую походку враскачку – так ходит только человек, далеко не убежденный в том, что земля, по которой он ступает, достойна доверия. Однако грубость черт – широких губ и большого, агрессивного носа – смягчал спокойный и ласковый взгляд темных глаз; так смотрят некоторые охотничьи собаки на своих хозяев. Улыбка, изредка мелькавшая на его губах, подчеркивала это впечатление: застенчивая, искренняя, почти детская – ею он вознаграждал девушку и за бокал шампанского, и за приветливость. А сейчас девушка удалялась от него, пробираясь среди клиентов; неизбежная, увы, юбка все же не мешала видеть длинные ноги, ступавшие осторожно и точно, и ей, разумеется, казалось, что Кой не сводит с них глаз.

Вот именно – казалось. Потому что в эту минуту, поднося бокал ко рту, он осматривал зал, разыскивая глазами светловолосую женщину. На мгновение взгляд его задержался на невысоком человеке с меланхоличным взором и в клетчатом пиджаке: коротышка вежливо наклонил голову. Кой продолжал разглядывать публику, пока не обнаружил блондинку: она снова стояла к нему спиной и разговаривала с аукционистом, держа в руке бокал с шампанским. На ней был замшевый жакет, темная юбка и туфли на низком каблучке. Коя очень хотелось ее рассмотреть, и он постепенно продвигался ближе, глядя на прямые золотистые волосы, высоко подстриженные на затылке и двумя асимметричными, но четкими и изящными линиями спускавшиеся к подбородку. Когда она разговаривала, ее волосы мягко покачивались и

касались лица, которого он сзади видеть все равно не мог. Преодолев две трети расстояния до нее, Кой обнаружил, что изогнутая шея вся покрыта веснушками – сотнями крошечных веснушек, чуть темнее кожи, не столь уж и светлой для блондинки: загар говорил о жизни на свежем воздухе, на солнце, под открытым небом. И вот, когда он уже почти добрался до нее и через минуту мог бы наконец рассмотреть ее вблизи, она попрощалась с аукционистом и повернулась. Кой видел ее не более двух секунд – ровно столько ей понадобилось, чтобы, слегка наклонившись, поставить бокал на стол. И она ушла. На краткий миг глаза их встретились, и ему хватило этого мгновения: он запомнил необычно темные глаза с синими искрами. А может быть, наоборот – синие глаза с черными искрами. Эти глаза скользнули по лицу Коя, не видя его, но он-то успел заметить, что и лоб, и все лицо, и руки у нее покрыты веснушками; вся она была в веснушках и от этого казалась необычной, очень привлекательной и чуть ли не девочкой, хотя ясно было, что ей уже много больше двадцати. Еще он заметил большие мужские часы в стальном корпусе с черным циферблатом, и носила она их на правой руке. И еще – она была выше его на полголовы. И очень красива.

Через пять минут и Кой вышел на улицу. В сиянье городских огней было видно, как по темному небу бегут на юго-восток тучи, и Кой знал, что вот-вот поднимется ветер и ночью, скорее всего, пойдет дождь. Стоя у входа и засунув руки в карманы тужурки, он раздумывал, куда повернуть – налево или направо; от этого решения зависело, перехватит ли он что-нибудь в ближайшем баре или направится на Пласа-Реаль, где пропустит пару порций голубого джина «Бомбей», сильно разбавленного тоником. Нет, не пару, одну, быстро поправился Кой, вспомнив плачевное состояние своих финансов. Машин на улице почти не было, и сквозь листву деревьев, на сколько хватало глаз, виднелись выстроившиеся в шеренгу светофоры, переключавшиеся с желтого на красный. Поразмыслив десять секунд, как раз в тот миг, когда на последнем в ряду светофоре зажегся красный, а на ближайшем – зеленый, Кой зашагал направо. Так он совершил первую в ту ночь ошибку.

ЗСНВ – Закон совсем не случайных встреч. Основываясь на известном законе Мёрфи, гласящем, что, если неприятность может случиться, она и случится, – а закон этот, как убедился Кой в последнее время, действует неукоснительно, – он выводил собственные, для внутреннего, так сказать, потребления, законы, которым давал торжественно-научные названия. ЗПТСН – Закон «Приглашай на танец самую некрасивую», или ЗПБ – Закон падающего бутерброда; а также другие формулы, более или менее подходящие к его печальным обстоятельствам. Разумеется, толку от этого законотворчества не было никакого, разве что улыбнешься иной раз. Про себя. Но как бы то ни было – шутки в сторону, – Кой был глубоко убежден, что во вселенной (как и в джазе, который он очень любил) царит удивительный порядок и все случайности и импровизации выверены настолько математически точно, что невольно задаешься вопросом, не расчислены ли они наперед где-то там, неизвестно где. Вот и теперь он оказался в ситуации, описываемой только что сформулированным ЗСНВ. Приближаясь к перекрестку, он – сначала – увидел большой автомобиль цвета «серый металлик», стоявший с открытой дверцей у тротуара. Потом, при свете фонаря, чуть подальше – мужчину, который разговаривал с женщиной. Сначала Кой разглядел мужчину – тот был ближе; а через несколько шагов, когда уже мог различить его сердитое лицо, понял, что он ссорится с женщиной (раньше ее скрывал от Коя фонарный столб); женщина была светловолосой, с высоко постриженным затылком, в замшевом жакете и темной юбке. Желудок Коя сжался, и в то же время Кой чуть не рассмеялся от неожиданности. И сказал себе: иногда жизнь в своей непредсказуемости предсказуема. Чуть-чуть подумал и добавил: или наоборот. Потом определил курс и дрейф. Это он делал машинально, по привычке, хотя тот курс, который он проложил последний раз – курс к крушению, иначе не скажешь, – привел его прямо в морской трибунал. И все же он взял на десять градусов левее, чтобы пройти как можно ближе к ссорящейся паре. То была его вторая ошибка

– он изменил здравому смыслу любого моряка: следуя этому здравому смыслу, надо с должной осторожностью приближаться к любому берегу – или опасности.

Видно было, что мужчина с седой косицей взбешен. Поначалу Кой не слышал его: тот говорил негромко, но Кой заметил, что рука мужчины поднята, а указательный палец наставлен на женщину, которая стояла не шевелясь. Палец приблизился к ней вплотную, мужчина ткнул ее в плечо, не сильно, однако сердито, и женщина отступила на шаг, словно испугалась.

– ...Последствия, – услышал наконец Кой голос мужчины. – Вам понятно? Ответственность за последствия несете вы!

Он опять поднял руку, намереваясь снова ткнуть женщину в плечо. Она отступила еще на шаг, но мужчина явно знал, чего хочет: он схватил ее за руку, хотя, видимо, хотел не причинить ей боль, а убедить ее или припугнуть. Но был в такой ярости, что женщина, почувствовав его хватку, вскрикнула и, вырвав руку, снова отступила. Мужчина предпринял было еще одну попытку, но она не удалась, поскольку между ними уже стоял Кой и пристально смотрел ему в глаза; человек замер с поднятой рукой, сияющей в свете фонаря золотом колец, и открыл рот – то ли намеревался сказать что-то женщине, то ли не понял, откуда появился этот тип в морской тужурке, потертых джинсах и теннисных туфлях, с широкими плечами, крепкими, сильными руками, якобы расслабленно опущенными.

– Что вам угодно?

Он говорил с легким неопределенным акцентом, то ли андалусским, то ли иностранным. Удивленно взглянул на Коя, словно старался понять, какое тот имеет ко всему этому отношение. Лицо у типа с хвостиком стало уже не злое, а ошеломленное. До него дошло, что этот нахал ему незнаком. Он был выше Коя – все в этот вечер были выше Коя – и через голову моряка посмотрел на женщину, будто ждал, что она объяснит ему этот неожиданный поворот сюжета. Кой ее видеть не мог: она стояла у него за спиной, не шевелясь и не произнося ни слова.

– Какого черта?.. – начал было он, однако тут же умолк, причем с таким видом, словно ему только что сообщили о смерти близкого родственника.

Кой стоял перед ним, опустив руки, и прикидывал, чем это обернется. Мужчина, хоть и был взбешен, говорил как человек образованный. На нем был дорогой костюм, галстук и жилет, на ногах – отличная обувь, на левой руке – той, на которой он носил два кольца, – блестели очень дорогие часы: массивное золото и ультрасовременный дизайн. Кой подумал: даже просто завязывая галстук, этот тип поднимает килограммов десять золота. Фигура сильная, спортивная, хороший разворот плеч, но, решил Кой, совсем не из тех, кто ввязывается по ночам в драки на улице, у дверей «Клеймора». Кой по-прежнему не видел женщину, хотя спиной чувствовал ее взгляд. «Надеюсь, она, по крайней мере, не сбежит и найдет время сказать мне спасибо, если мне все-таки не разобьют физиономию. И даже если разобьют». Тип с хвостиком повернулся налево и уставился на витрину модного магазина, словно ждал, что оттуда кто-нибудь выйдет и вынесет ему объяснение в сумочке от Армани. В свете фонаря и витрины Кой разглядел, что глаза у него карие, – это было как-то странно, поскольку раньше, на аукционе, они показались ему зеленоватыми. Мужчина повернул голову в другую сторону и посмотрел на витрину с обувью; тут Кой понял, что налицествуют оба цвета: правый глаз был карим, левый – зеленым; все как положено – бакборт и штирборт. Заметил он и кое-что тревожнее цвета глаз: дверца автомобиля, огромного «ауди», была открыта, в салоне сидела секретарша и, покуривая сигарету, наблюдала всю сцену; увидел он и шофера, который как раз в этот миг поднялся со своего места и встал у бортика тротуара. Шофер, в отличие от мужчины с хвостиком, элегантным не был, а по лицу его Кой заключил, что и голос его вряд ли выдает хорошее воспитание: нос перебит, как у боксера, а физиономию словно перекраивали и зашивали несколько раз, причем какие-то кусочки пришить позабыли. Цвет же у нее был смугло-зеленоватый, какой-то арабский. Кой вспомнил, что ребят такого покроя он видал: они

служили вышибалами в бейрутских борделях и на панамских танцульках. Эти субъекты имеют обыкновение держать финку в правом носке.

«Хорошо все это кончиться не может», – подумал он отрешенно. ЗМПМД – Закон «Много получишь и мало дашь». Сломают ему парочку насущно необходимых костей, а девица сбежит, как Золушка или Белоснежка, – Кой всегда путал эти две сказки, потому что там не было кораблей, – и больше он ее никогда не увидит. Но пока она еще здесь, и он чувствовал на себе взгляд ее синих с темными искрами глаз, или нет, наоборот, вспомнил он, темных с синими искрами. Он чувствовал этот взгляд спиной. Есть, пожалуй, какой-то извращенный юмор в том, что сейчас из него вышибут дух из-за женщины, лицо которой он видел всего несколько секунд.

– Зачем вы вмешиваетесь в дело, которое вас не касается? – спросил мужчина с хвостиком.

Вопрос он поставил правильно. Он спрашивал уже без ярости, просто сосредоточенно; да, намного спокойней и даже с любопытством. Так, во всяком случае, показалось Кой, который краем глаза продолжал следить за шофером.

– Да это же... Бог ты мой, – сказал мужчина, когда понял, что Кой не собирается отвечать. – Убирайтесь отсюда.

«Сейчас и она скажет то же самое, – решил Кой. – Сейчас она согласится с этим типом и спросит, кто меня звал на их пирушку, скажет, чтобы я катился подальше и не совал нос, куда не надо». И придется ему, краснея от неловкости, бормотать невразумительные извинения, потом дойти до угла, свернуть, и всему конец, к чертям собачьим. Вот сейчас она скажет...

Но она ничего не сказала. Она молчала, как и Кой. Словно ее тут и не было, словно она уже давно ушла; он молча стоял между нею и мужчиной и смотрел в разноцветные глаза, для чего ему пришлось поднять взгляд сантиметров на десять – мужчина с хвостиком был выше. Он по опыту знал, что молчание действует сильнее: кто его знает, что на уме у человека, который не произносит ни слова. Вероятно, мужчина с хвостиком придерживался такого же мнения, поскольку смотрел на него раздумчиво. Наконец Кой показалось, что в далматских глазах он видит неуверенность.

– М-да, – сказал мужчина, – что же тут у нас получается... Вот еще защитничек нашелся...

Кой по-прежнему смотрел на него, не произнося ни звука. Если не тянуть, можно еще врезать ему коленом между ног, а потом попытать удачи с арабом. Вопрос заключается в женщине. Вопрос в том, что сделает она.

Мужчина вдруг с силой выдохнул и язвительно, демонстративно усмехнулся.

– Это просто смешно, – сказал он.

Ситуация явно привела его в растерянность. Кой медленно поднял левую руку, чтобы почесать нос: он всегда чесал нос, когда надо было подумать. «Коленом, – размышлял он. – Сейчас скажу что-нибудь, он отвлечется, а я тем временем врежу ему коленом по яйцам. И тогда проблема будет заключаться не в нем, а в арабе».

По улице проехала «скорая помощь» с оранжевыми маячками. Кой подумал, что скоро потребуется еще одна – для него самого, – и украдкой огляделся в поисках того, что можно было бы взять в руку, но ничего подходящего не увидел. Тогда он потянулся к карману джинсов и большим пальцем нащупал связку ключей от пансиона. В конце концов, можно вмазать шоферу в рожу этой связкой, как он когда-то врезал пьяному немцу в дверях клуба «Мамма Сильвана» в Специи, когда тот накинулся на него. Этот-то сукин сын уж точно на него накинется.

Мужчина, стоявший перед Коем, поднял руку ко лбу и провел ею по голове, словно приглаживая и без того затянутые в хвост волосы, затем повернулся сначала в одну сторону, потом

в другую. На губах у него застыла странная горькая усмешка, и Кой решил, что без улыбки этот тип ему нравился гораздо больше.

– Вы скоро услышите обо мне, – бросил он женщине поверх плеча Коя. – Обязательно услышите.

И сразу же взглянул на шофера, который сделал к нему несколько шагов. Словно получив приказ, шофер остановился. И Кой, все время ожидавший удара, напрягшийся всеми мускулами от адреналинового выброса, с облегчением расслабился. Мужчина с хвостиком снова пристально посмотрел на него, будто хотел запечатлеть его в памяти навсегда: роковой взгляд с субтитрами на испанском языке. Мужчина поднял руку с кольцами и наставил на него указательный палец так же, как недавно на женщину, но все же не коснулся Коя. Этим и ограничился – указующий жест был равен угрозе, – затем повернулся на каблуках и пошел к машине, словно вдруг вспомнил о назначенной встрече.

И после быстрой смены кадров, которые Кой внимательно просмотрел: взгляд секретарши с заднего сиденья, ее сигарета, описавшая дугу в воздухе, прежде чем упасть на тротуар, дверца, захлопнувшаяся после того, как мужчина сел рядом с секретаршей, последний взгляд шофера, стоявшего у бордюра, – и взгляд этот был более долгим и многообещающим, чем взгляд босса, – потом снова стук дверцы и тихое урчание мотора, – все закончилось. «Того бензина – в денежном выражении, конечно, – который эта машина пожирает, только чтобы тронуться с места, мне бы хватило прожить дня два», – с грустью подумал Кой.

– Спасибо, – произнес позади женский голос.

Вопреки внешности Кой вовсе не был пессимистом; для того чтобы стать пессимистом, абсолютно необходимо утратить веру в человечество, а Кой так и родился без этой веры. Он просто созерцал жизнь на суше как спектакль, переменчивый, прискорбный и неизбежный; стремился он к одному – держаться подальше, чтобы свести ущерб к минимуму. Наперекор всему в нем до сих пор еще оставалась некоторая наивность – наивность частичная, относящаяся лишь к тому, что не касалось его профессии. Четыре месяца, проведенные в сухом доке, не смогли искоренить в нем нажитое за долгую жизнь в море: ту рассеянность, отстраненность и как бы отчужденность, с какой иные моряки относятся к тем, у кого всегда под ногами твердая земля. Вот и он на некоторые вещи смотрел издали или даже извне, сохраняя простодушную способность удивляться, как удивлялся в детстве, прилипая перед Рождеством к витринам магазинов игрушек. Правда, теперь он уже был твердо уверен – и эта уверенность порождала в нем не разочарование, а, напротив, облегчение, – что ни одно из бередящих душу чудес ему не предназначено. Его успокаивало сознание, что он не входит в круг избранных, имя его не значится в ведомости у волхвов. Хорошо, когда ничего и ни от кого не ждешь, когда в любой момент можешь вскинуть совсем не тяжелую дорожную сумку на плечо и отправиться в ближайший порт, не сожалея о том, что оставляешь позади. Добро пожаловать на борт. Многие тысячи лет, когда крутобокие корабли еще не взяли курс на Трою, существовали люди с морщинами у рта и ноябрьскими дождливыми сердцами, которых сама их природа подталкивала рано или поздно заглянуть с интересом в черную дыру пистолетного дула; для них море означало выход, и они безошибочно угадывали, когда наступало время покинуть берег. Еще прежде, чем Кой осознал, что он – один из них, он уже был таким – по врожденному инстинкту и по призванию. Как-то в погребке Веракруса одна женщина – а всегда попадались женщины, которые задавали подобные вопросы, – спросила, почему он стал моряком, а не адвокатом или зубным врачом; Кой только пожал плечами, а ответил, когда она уже перестала ждать: «Море – оно чистое». Так и есть. В открытом море воздух свеж, раны зарубцовываются быстрее, а тишина такая плотная, что в ней уже можно выносить вопросы, не имеющие ответа, и не мучиться собственным молчанием. Однажды, в ресторане «Сандерленд» в аргентинском портовом городе Росарио, Кой видел человека, который оказался единственным выжившим после кораблекрушения, единственным из девятнадцати. Пробойна в три часа ночи, судно стоит на якоре, все

спят, через пять минут все кончено. Буль-буль. Но что поразило Коя в этом человеке, так это его молчание. Кто-то спросил: как же может быть, что восемнадцать человек в трюме ничего не поняли? Он только молча посмотрел, ему было неловко – все настолько очевидно, что объяснять нечего, – и поднес ко рту кружку с пивом. И Кою от городов с их улицами, запруженными людьми, освещенными, как витрины его детства, тоже делалось неловко; он становился неуклюжим, был не в своей тарелке, как утка вдали от воды или как тот человек из Росарио – молчавший, словно те восемнадцать, еще более молчаливых. Мир так сложно устроен, что смотреть на него можно только с моря; суша обретала спокойные очертания ночью, когда идет четвертая вахта и рулевой – лишь немая тень, а из недр корабля доходит легкое подрагивание машины. Когда от городов оставались лишь далекие цепочки огней, а от самой земли – только проблесковые огни маяка прямо по курсу. Вспышки, которые тревожили, предупреждали снова и снова: внимание, осторожно, держись подальше, опасность. Опасность.

Он не заметил таких сигналов в глазах женщины, когда вернулся к ней, по стакану в каждой руке, пробравшись между толпившимися у стойки бара «Боадас»; и это была его третья ошибка за вечер. Не существует таких сухопутных лоций, где описывались бы все маяки, опасности и навигационные знаки, по которым можно было бы ориентироваться на суше. Не проложены здесь курсы, нет сверенных карт, не промерены ни в футах, ни в метрах мели, не указаны подходы к тому или иному мысу, нет здесь бакенов, ни красных, ни зеленых, ни желтых, ни правил вхождения в акваторию порта, ни чистого горизонта, чтобы определить координаты. На земле всегда идешь вслепую, определяешься только по счислению, и рифы замечаешь, лишь когда уже слышишь рев волн в кабельтове от носа и видишь, как тьма светлеет над бурунами, разбивающимися о скалы. Или когда слышишь, как неожиданный камень – все моряки знают, что существует некий камень со своим названием, который подстерегает их повсюду, – скала-убийца со скрежетом разрывает корпус корабля... В такую ужасную минуту любой командир корабля предпочел бы оказаться мертвым.

– Ты быстро, – сказала она.

– В барах я всегда быстрый.

Женщина взглянула на него с любопытством. Слегка улыбнулась – может, потому, что видела, как он двигался к стойке, прокладывая себе дорогу с решимостью маленького юркого буксира, а не стал ждать в стороне от толпившихся клиентов, надеясь привлечь внимание официанта. Себе он взял голубой джин с тоником, ей – сухой martini и донес стаканы, ловко балансируя ими и не пролив ни капли. А в «Боадасе», да еще вечером, это вполне могло считаться заслугой.

Она смотрела на него через стакан. За стаканом – темная синева, перед нею – светлая прозрачность martini.

– Ты умеешь пробираться в толпе, ходишь по аукционам и защищаешь слабых женщин, но какое у тебя дело в жизни?

– Я моряк.

– А-а...

– Без корабля.

– А-а...

На «ты» они перешли несколько минут назад. Получасом раньше, при свете фонаря, когда мужчина с седым хвостиком сел в «ауди» и женщина сказала спасибо спине Коя, а он повернулся, чтобы впервые по-настоящему посмотреть на нее, он сказал себе, что до сих пор было все просто, а теперь уже не от него зависит, задержится ли на нем этот задумчивый и немного удивленный взгляд, которым она оглядела его с головы до ног, словно пытаясь определить, к какой из известных ей категорий мужчин принадлежит Кой. Поэтому он ограничился тем, что слегка улыбнулся – осторожно, немного стеснительно: с такой улыбкой матрос объявляет капитану, что нанялся на другое судно; в этот первый миг слова ничего не означают

и собеседники знают – только время расставит все по своим местам. Но для Коя проблема заключалась как раз в том, что никто не гарантировал ему, будет ли у него столь необходимое время: ведь ничто не мешало ей снова поблагодарить его и спокойно уйти, исчезнуть навсегда. Решение она принимала десять долгих секунд, которые Кой вытерпел в полной неподвижности и молчании. ЗРШ – Закон растянутой ширинки. «Надеюсь, ширинка у меня не растягнута», – подумал он. Потом увидел, что женщина слегка склонила голову набок – ровно настолько, чтобы ее светлые прямые волосы, постриженные асимметрично с хирургической точностью, коснулись левой веснушчатой щеки. Женщина не улыбнулась и ничего не сказала, а просто медленно пошла по улице, засунув руки в карманы замшевого жакета. На плече у нее висела большая сумка, она придерживала ее локтем. В профиль нос у нее не так уж и хорош – немного приплюснутый, будто она его когда-то сломала. Это не делает ее менее привлекательной, решил Кой, а придает какую-то необычную силу. Женщина шла, глядя в землю прямо перед собой и держась чуть левее, будто позволяя ему идти рядом. Они шагали молча, поодаль друг от друга – ни взглядов, ни объяснений, ничего, – пока она не остановилась на углу, и тут Кой понял, что настала минута, когда надо либо прощаться, либо что-то сказать. Женщина протянула руку и вложила ее в большую и неуклюжую ладонь Коя; он почувствовал крепкое, твердое пожатие, которое совсем не вязалось с девчачьими веснушками, но очень гармонировало со спокойствием ее глаз – а были они все-таки темно-синие, наконец понял Кой.

И тогда он заговорил. Он говорил с той застенчивостью, которая всегда охватывала его, когда он обращался к незнакомым людям: он то пожимал плечами со всей естественностью, то улыбался, а его улыбка – он этого не знал – освещала все лицо и смягчала резкие черты. Он умолк, затем почесал нос и снова заговорил, не думая о том, ждет ее кто-нибудь или нет, в этом ли городе она живет или нет. Он сказал все, что считал должным сказать, и остановился, слегка покачиваясь и затаив дыхание, как школьник, который только что громко ответил урок и без особых надежд ждет вердикта учительницы. Женщина молча смотрела на него долгих десять секунд, затем еще раз склонила голову к плечу так, что волосы коснулись щеки. И сказала: да, а почему бы и нет, ей тоже хотелось бы чего-нибудь выпить. И они направились сначала на площадь Каталунья, потом по Рамблас и улице Тальерс. И, придерживая дверь бара «Боадас», пропуская женщину вперед, Кой впервые ощутил ее запах: никакой парфюмерии, пахла ее кожа в золотистых пятнышках, нежная и горячая и, как представилось ему, на ощупь похожая на шкурку кизиловой ягоды. В баре, пока они двигались к стойке у стены, он отметил, что посетители – и мужчины, и женщины – сначала смотрели на нее, затем на него; он подумал, что по какой-то любопытной причине и мужчины, и женщины сначала смотрят на красивую женщину, а потом уже – изучающим взглядом – на ее спутника: поглядим, мол, что это за тип. Словно проверяя, достоин ли он такой красавицы и сможет ли удержаться на высоте.

– И что же делает в Барселоне моряк без корабля?

Женщина сидела на высоком табурете, положив сумку на колени и опираясь спиной на деревянную стойку, которая шла вдоль стены с фотографиями в рамках и сувенирами заведения. Вместо сережек в ушах у нее были маленькие золотые шарики, на руках – никаких колец. Косметикой она почти не пользовалась. Под воротником белой блузки с растянутой верхней пуговицей, на покрытой бесчисленными веснушками коже, Кой заметил блестящую серебряную цепочку.

– Ждет, – ответил он. Потом отхлебнул джина и заметил, что она рассматривает его старую форменную тужурку – наверное, увидела темные пятна на обшлагах там, где когда-то были галуны. – Ждет лучших времен.

– Моряк должен ходить в море.

– Некоторые думают иначе.

– Ты сделал что-то плохое?

Он кивнул с грустной полуулыбкой. Женщина открыла сумку и достала пачку английских сигарет. Ногти у нее были некрасивые – короткие, широкие, неровные. Когда-то она их обкусывала, точно. Может, и сейчас грызет. В пачке оставалась одна сигарета. Женщина прикурила, чиркнув спичкой из коробка с рекламой бельгийского пароходства «Зеланд шип». Кой отметил, что прикуривала она, загорючив пламя ладонями, почти мужским жестом. Линия жизни у нее была очень длинная, словно она прожила уже несколько жизней.

– Вина была твоя?

– По закону – да. На моей вахте произошло.

– Столкновение?

– Задел днище. Скала, не указанная на карте.

Так и было. Моряк никогда не скажет «наткнулся», «сел». «Задеть» – вот правильное слово, «задел» днище, «навалился» на причал. Если в Балтийском море при густом тумане одно судно протаранит другое прямо посередине и пустит его ко дну, то это называется – «мы его забодали». Открытая сигаретная пачка лежала на стойке, и Кой уставился на нее. Голова моряка, спасательный круг вместо виньетки и два корабля. Сколько времени он не видел такой пачки «Моряка» без фильтра – а ведь они были всегда. Теперь их редко встретишь, Кой даже не знал, что их по-прежнему выпускают в этих белых, почти квадратных картонных пачках. Забавно, что она их курит: морской аукцион, атлас Уррутия, да и он сам. ЗУС – Закон удивительных совпадений.

– Ты знаешь его историю? – Он показал на пачку.

Женщина посмотрела на нее и удивленно подняла на него глаза:

– Какую историю?

– Историю моряка?

– Этого?

И он ей рассказал. Рассказал, что на ленточке бескозырки у светлородного моряка – название броненосца, «Герой», на котором он заканчивал службу, рассказал о его юности на борту парусника, изображенного с другой стороны. О том, как мистер Плеер и сыновья купили его вышитый портрет, чтобы выпускать сигареты «Моряк». Кой умолк, женщина курила – сигарета у нее в пальцах постепенно укорачивалась – и смотрела на него.

– Хорошая история, – сказала она через некоторое время.

Кой пожал плечами:

– Она не моя. Ее рассказывает Домино Витали Джеймсу Бонду в «Операции „Гром“». Я ходил на одном танкере, где было много романов Яна Флеминга.

Помнил он также, как на этом танкере, «Палестине», он полтора месяца проторчал под морским арестом в порту Рас-Танура в Саудовской Аравии, в разгар международного кризиса. Доски палубы раскалялись под бешеным солнцем, догонявшим жару до шестидесяти градусов, а члены команды лежали по койкам, задыхаясь от духоты и скуки. «Палестина» была судном несчастливым, невезучим, из тех, на которых все враждуют, все ненавидят всех, перекрывают друг другу кислород: стармех, забившись в угол, бормотал себе под нос пьяную окоlesiцу – ключ от бара прятали, и он пил спирт из лазарета, разбавляя его апельсиновым соком, – а старпом ни за что на свете не сказал бы капитану ни слова, даже если бы танкер через минуту напоролся на риф. В этой плавучей тюрьме свободного времени у Коя было больше чем достаточно, и он читал романы, Флеминга и другие; в эти бесконечные дни, когда через открытый иллюминатор в каюту шел раскаленный воздух, от которого он только часто дышал открытым ртом, как рыба, вынутая из воды, а если поднимался с койки, на мятой грязной простыне оставался мокрый силуэт его обнаженного потного тела. В трех милях от них в греческий танкер попала авиабомба, и дня два из его каюты был виден столб черного дыма, вертикально поднимавшийся в небо, а по ночам – зарево пожара, от которого горизонт становился красным,

а темные силуэты стоявших на якоре судов – четкими и очень уязвимыми. Тогда он каждую ночь просыпался от кошмара – ему снилось, что он плавает в море огня.

– Ты много читаешь?

– Читаю. – Кой потрогал свой нос. – Кое-что читаю. Но только про море.

– Есть и другие интересные книги.

– Возможно. Но мне интересно только про море.

Женщина снова посмотрела на него, а он пожал плечами и качнулся из стороны в сторону. Только теперь ему пришло в голову, что ни слова не было сказано ни про типа с седой косицей, ни про то, что она там делала. Даже имени ее он не узнал.

Через три дня в пансионе «Ла Маритима», в своем номере, лежа на спине, Кой созерцал мокрое пятно на потолке. «Kind of Blue»². В наушниках его плеера после «So What»³, где контрабас тихо замирает, вступил корнет Майлза Дэвиса со своим знаменитым соло на двух нотах – вторая на октаву ниже первой, – и Кой, словно замерев в невесомости, ждал освободительного разрешения темы, единственного вступления ударных, долгой реверберации тарелок и барабанной дробы, устилающей путь медленной, неотвратимой и поразительной меди корнета.

Кой считал себя музыкально безграмотным, но джаз любил – за дерзость и изобретательность. Он пристрастился к джазу, когда ходил третьим помощником на «Федаллахе», сухогрузе пароходства «Зоелайн», где старпомом был галисиец по имени Ньейра, который взял с собой пять пленок Смитсоновской коллекции классического джаза. Там были записи от Скотта Джоплина и Бикса Бейдербека до Телониуса Монка и Орнетта Коулмана, а также Армстронг, Эллингтон, Арт Тейтум, Билли Холидей, Чарли Паркер и другие. Много ночных часов провел Кой под звездами с чашкой кофе в руке и с джазом, опираясь на леер и глядя в открытое море. Стармех – родом из Бильбао – по имени Горостиола, но более известный как Торпедист Тукуман, тоже любил эту музыку, и все трое дружили с джазом и друг с другом шесть лет, проходя одним и тем же квадрантом, а потом все вместе перешли на «Тештиго», судно-близнец той же компании «Зоелайн» и с тем же легким грузом, фруктами и зерном, ходили между Испанией, Карибами, Северной Европой и югом Соединенных Штатов. Это было самое счастливое время в его жизни.

Сквозь музыку в наушниках пробивались звуки радио, доносившиеся из патио, где всегда сушилось белье и где допоздна занималась дочка хозяйки пансиона. Она была девушкой угрюмой и совсем не обаятельной, Кой улыбался ей из вежливости, не получая в ответ ни улыбки, ни взгляда. Когда-то – в 1844 году, как утверждала табличка на двери, выходившей на улицу Арк-дель-Театре, – здесь размещались бани, а теперь это был дешевый пансион для моряков. Он располагался между старым портом и китайским кварталом, и, разумеется, мамаша, грубоватая дама с выкрашенными в красный цвет волосами, предупреждала дочку с самых юных лет о той опасности, которую представляют для нежного создания их постоянные клиенты – люди неотесанные и бессовестные; они коллекционируют женщин в каждом порту и сходят на берег только ради спиртного, наркотиков и более или менее невинных девиц.

Из окна, перекрывая джаз в наушниках, доносился голос Ноэля Сото, который пел «Ночь самбы в испанском порту», и Кой прибавил громкость. Он был в одних трусах, на животе у него лежала раскрытая корешком вверх книга Патрика О'Брайена «Хозяин морей». Но мысли Коя находились очень далеко от морских странствий капитана Обри и доктора Мэтьюрина. Пятно на потолке своими очертаниями напоминало контурную карту какого-то берега, с мысами и бухтами, и Кой мысленно прокладывал курс между двумя точками, сильнее выступавшими в желтоватом море потолка. И естественно, думал о ней.

---

² «Какая-то грусть» (англ.).

³ «И что с того» (англ.)

Когда они вышли из «Боадаса», лил дождь. Мелкий, хотя довольно противный, он отлакировал мостовые и тротуары, в которых отражались огни, чертил пунктиры в снопах света проезжавших автомобилей. Женщина, видимо, не боялась, что ее замшевый жакет намокнет, и они шагали по бульвару, между газетными и цветочными киосками, которые уже начинали закрываться. Клоун-мим, который стоически терпел изморось, пробивавшую борозды в густом слое белой пудры, был так печален, что повергал в тоску прохожих на двадцать метров вокруг; он посмотрел на них, когда спутница Коя наклонилась, чтобы положить монетку в стоявший на тротуаре цилиндр. Она шла так же, как прежде, – чуть впереди и поглядывая налево от себя, словно предоставляя Коя выбор – идти ли рядом или тихо скрыться. Он украдкой поглядывал на ее профиль, обрамленный волосами, колыхавшимися при ходьбе; она тоже своими темносиними глазами иногда посматривала на него, будто собиралась подумать о чем-то или просто улыбнуться.

В «Шиллинге» народу было не много. Кой снова взял голубой джин с тоником, женщина решила пить чистый тоник. Официантка Эва, из Бразилии, подавая бокалы, разглядывала ее с вызовом, а потом, приподняв бровь, пристально уставилась на Коя, постукивая при этом по стойке длинными ногтями – теми самыми, покрытыми зеленым лаком ногтями, которые три ночи назад совершенно сознательно вонзила в его голую спину. Но Кой только провел рукой по влажным волосам и продолжал улыбаться своей неизменной, тихой и очень спокойной улыбкой, так что официантка в конце концов только прошептала «ублюдок», тоже улыбнулась и даже не взяла денег за джин. Потом Кой со своей спутницей сели за столик перед большим зеркалом, в котором отражались бутылки, расставленные напротив. Разговор по-прежнему перемежался долгими паузами. Женщина была неразговорчива и к этому времени рассказала только, что работает в музее; лишь минут через пять он понял, что она имела в виду Морской музей в Мадриде. Он пришел к выводу, что она изучала историю, а кто-то – возможно, ее отец – был кадровым военным. Кой не знал, этим ли объясняется ее облик хорошо воспитанной девушки. Угадывал он и ее сдержанную твердость, и внутреннюю, тайную уверенность, которая его пугала.

Лишь гораздо позже, когда они уже брели под аркадами площади Реаль, до Коя дошло, что тип с седой косицей так и не возник в их разговоре. Она упомянула только, что атлас Уррутии – действительно очень ценная вещь, хоть и не уникальная, но Коя так и не стало ясно, приобрела она его для музея или для себя.

– Да, интересный атлас, – уклончиво сказала она, когда Кой намекнул на сцену между нею и мужчиной с хвостиком на улице Консел-де-Сент, – да-да, в приобретении таких вещей всегда кто-то заинтересован. Коллекционеры, – добавила она, помолчав. – Такие вот люди.

Потом слегка наклонила голову и спросила, как ему живется в Барселоне, и стало совершенно ясно, что она хочет сменить тему; Кой рассказал о пансионе «Маритима», о своих прогулках в порту, о солнечных утрах напротив комендатуры военно-морского округа, на террасе «Универсалия», где, заплатив за кружку пива, можно сидеть три-четыре часа с книгой и плее-ром. Потом заговорил о том, что его ждет, о том, что невозможно жить на суше без работы и без денег. В эту минуту ему показалось, что в конце аркады он видит усатого коротышку с зализанными волосами, в клетчатом пиджаке – этот недомерок был сегодня на аукционе. Кой внимательно посмотрел туда, чтобы окончательно убедиться, и повернулся к ней – заметила ли она, но она смотрела равнодушно, словно ничего особенного не видела. Когда Кой снова взглянул на коротышку в клетчатом пиджаке, тот как ни в чем не бывало шел, заложив руки за спину.

Они оказались перед «Трубочным клубом», и Кой быстро прикинул в уме, сколько еще оставалось в бумажнике; решил, что может позволить себе пригласить ее выпить еще стаканчик, ну а в худшем случае Роджер, здешний бармен, поверит ему в долг. Ее явно поразило это необычное заведение, звонок на двери, старая лестница и бар на втором этаже, забавная

стойка, диван и гравюры из «Шерлока Холмса» на стене. Джаза в этот вечер не было, и они стояли совсем одни у стойки, а Роджер на другом ее конце решал кроссворд. Она захотела попробовать голубого джина и сказала, что запах ей нравится, а потом призналась, что в восторге от этого места, и прибавила, что не предполагала найти в Барселоне ничего подобного. Кой сказал, что заведение вот-вот закроется: соседи постоянно жалуются на шум и музыку, – в общем, она стоит на палубе корабля, который скоро пойдет на лом. В уголке рта у нее блестела капелька джина с тоником, и Кой подумал, как хорошо, что в желудке у него плещется только три порции джина, – еще пара стаканов, и он потянулся бы к ней, чтобы пальцем смахнуть эту капельку, а непохоже, чтобы такая женщина позволила прикоснуться к своему лицу какому-то моряку, с которым едва знакома и держится вежливо и сдержанно из благодарности. И тогда он наконец-то спросил, как ее зовут, она снова улыбнулась – на сей раз через несколько мгновений, – словно ей надо было куда-то сходить за этой улыбкой, потом пристально посмотрела в его глаза или, точнее, пристально смотрела в его глаза долгую и напряженную секунду, – и назвала свое имя. Кой решил, что оно – такое же необычное, как и ее лицо: это имя ей шло, она произнесла его один-единственный раз громко и внятно, затем отстраненная улыбка исчезла с ее губ. Кой попросил для нее у Роджера сигарету, но ей больше не хотелось курить. Поглядев, как она подносит стакан ко рту, как блестят сквозь стекло ее белые зубы, о которые влажно позвякивают кусочки льда, он посмотрел ниже, на поблескивающую в расстегнутом воротнике блузки серебряную цепочку, на кожу, которая от этого блеска казалась еще горячее, и спросил себя: а есть ли хоть один мужчина, кто сумел сосчитать все эти веснушки до самого Края земли, до мыса Финистерре, которым оканчивается Иберийский полуостров? Пересчитал ли их кто-нибудь – спокойно, неспешно продвигаясь на юг, как хотелось бы сделать это ему? А затем, подняв глаза, увидел, что она правильно истолковала его взгляд, и когда сказала, что пора идти, почувствовал, как сердце его на мгновение остановилось.

Из приемника хозяйской дочки доносился тот же голос, но теперь это была уже «Королева китайского квартала». Кой выключил свой плеер – Майлз Дэвис исполнял «Саэту», четвертую тему из «Испанских скетчей», – и отвел взгляд от пятна на потолке. Книгу и наушники он бросил на простыню, потом встал и прошел по узкой комнате, которая очень напоминала ему камеру в Ла-Гуайре, куда он однажды угодил на двое суток вместе с Торпедистом Тукуманом и галисийцем Ньейрой: озверев от надоевших до чертиков фруктов, они сошли на берег, чтобы купить свежей рыбы на уху, и Ньейра сказал: подождите меня минут пятнадцать, я глотну кофейку, а через некоторое время они услышали, как он зовет на помощь, вбежали и разнесли этот бар, перебили бутылки, переломали столы и ребра того типа, у которого оказался бумажник галисийца, а капитан, дон Матиас Норенья, здорово разозлился, ведь ему пришлось выручать их, подмазав венесуэльских полицейских пачкой долларов, которые он потом высчитал из их жалованья до последнего цента.

Кой припомнил все это, и ему стало немного грустно. В зеркале над умывальником он увидел свои крепкие плечи и усталое небритое лицо. Кой открыл кран, и когда вода стала похолоднее, начал плескать ее себе в лицо и на шею, отфыркиваясь и тряся головой, как собака под дождем. Сильно растерся полотенцем и некоторое время стоял неподвижно, рассматривая себя: крепкий нос, темные глаза, резкие черты лица: оценивал свои шансы. «Ноль без палочки, – решил он. – С таким рылом тебе ничего не светит».

Он вытащил ящик из комода, обнаружил конверт, в котором держал деньги. Их и так было немного, а за последние дни запас угрожающе сократился. Минуту он постоял, прокручивая в голове некую мысль, затем подошел к шкафу и вытащил сумку – в ней хранилось все его невеликое имущество: несколько зачитанных книжек, офицерские погоны, золотые просветы которых уже начали зеленеть, магнитофонные пленки с джазом, альбом для фотографий в виде портфеля: учебный парусник «Эстрелья дель Сур» идет в крутой бейдевинд, Торпедист Тукуман и галисиец Ньейра у стойки бара в Роттердаме, он сам с нашивками старпома опира-

ется о планшир «Ислы Негры» под Бруклинским мостом – и деревянная шкатулка, в которой лежал секстант. Хороший прибор фирмы «Вимс энд Плат» с семью фильтрами, зачерненными металлическими частями и золотистой латунной алидадой. Кой купил его в рассрочку, как только получил звание штурмана, с первого жалования. Системы навигационных спутников приговорили этот инструмент к смерти, но каждый моряк, достойный своего звания, знает – что подтверждается и электроникой, – как он надежен для определения широты в полдень, когда солнце стоит в зените, или ночью, по низкой звезде над горизонтом: навигационные эфемериды, таблицы, три минуты вычислений. Военные заботятся о своем оружии и чистят его, и Кой все эти долгие годы старался содержать свой секстант так, чтобы соленая влага на него не попадала, протирал зеркала и сверял возможные погрешности рефракции. Даже сейчас, на суше, он носил его с собой на берег моря, где, сидя на скале, измерял высоты. Привычка осталась с тех времен, когда он ходил на «Монте Пекеньо», своем третьем судне, если считать «Эстрелью дель Сур». «Монте Пекеньо» был танкером компании «Энпетроль», водоизмещение двести семьдесят пять тысяч тонн, и капитан дон Агустин де ла Герра любил придавать особую торжественность полудню – моменту определения местоположения судна. Он приглашал офицеров и стажеров на рюмку хереса после того, как они все, стоя на мостике, через затемненные фильтры своих инструментов и полагаясь на хронометр капитана, вычисляли высоту солнца над горизонтом. Дон Агустин был капитаном старой школы – не без грубости, но отличный моряк, еще того времени, когда большие танкеры порожняком ходили в Персидский залив через Суэц и возвращались груженые, огибая Африку вокруг мыса Доброй Надежды. Как-то раз он за непочтительность спустил стюарда с трапа, а когда профсоюз подал жалобу, ответил, что стюарду еще повезло – века полтора назад его бы попросту повесили на рее. «На моем судне, – сказал он однажды Кою, – ты или соглашаешься с капитаном, или не раскрываешь рта». Сказал он это за рождественским ужином в Средиземном море во время десятибалльного шторма, из-за которого пришлось заглушить машины напротив мыса Бон. Кой, тогда студент мореходки и стажер на борту «Монте Пекеньо», разошелся с ним во мнениях по поводу какой-то ерунды, и тот швырнул салфетку и проговорил все это насчет «его судна» и так далее. Потом приказал Кою идти на вахту, на мостик на штирборт, где тот и провел следующие четыре часа в темноте, и там его хлестали ветер, дождь и брызги волн. Дон Агустин де ла Герра был редким пережитком прежних времен, деспотичным и жестким, но когда панамский сухогруз с пьяным русским штурманом на вахте въехал им носом в корму ночью, а из-за дождя и града в Ла-Манше от радаров толку не было, он сумел удержать танкер на плаву и довел его до Дувра, не пролив ни капли нефти и сэкономив компании плату за буксиры. «В наше время, – говорил он, – любой недоумок может перевернуть мир, нажимая на кнопки, но если электроника откажет, или американцам стукнет в голову выключить свои проклятые спутники – вот уж дьявольское изобретение, – или какой-нибудь большевик, сукин сын, вмажет тебе по заднице посреди океана, хороший секстант, компас и хронометр доведут тебя куда хочешь. Так что практикуйся, парень, практикуйся». Кой слушался капитана и практиковался дни, месяцы, годы; с тем же секстантом, но уже позже, он определялся и в глухие опасные ночи, и в центре страшных штормов, прокатывавшихся от одного берега Атлантики до другого; весь мокрый, держась за трап, когда нос корабля то взмывал вверх, то проваливался в бездну, он, уставившись одним глазом в подзорную трубу, отчаянно выжидал, когда появится едва заметный красноватый диск среди гонимых норд-остом туч.

Ему стало немного грустно, когда он почувствовал знакомую тяжесть в руке, повернув алидаду, которая цеплялась за зубцы лимба, градуированного от ноля до ста двадцати. Потом прикинул в уме, сколько запросить с Серхи Соланса – тот уже много лет восхищался этим секстантом; как он говорил, когда они, по обыкновению, заходили выпить в «Шиллинг»: таких теперь не делают. Серхи был хороший парень: с тех пор как Кой оказался на суше и на мели, если они вместе выпивали, он почти всегда оплачивал долю Коя и не затаил на него зла за то,

что Кой затащил в постель Эву, бразильскую официантку в тот вечер, когда ее грудь (объем 95 см) без бюстгалтера, которого она никогда не носила, так дьявольски выпирала под тонкой майкой, а Серхи был слишком пьян, чтобы возмущаться. Кроме того, они вместе учились в мореходке, стажировались на трейлере «Мигалоте», принадлежавшем компании «Родригес-и-Солньер», а теперь он готовился к экзамену на старшего помощника, чтобы работать на регулярной транссредиземноморской линии – дважды в неделю из Барселоны в Пальма-де-Майорка. Все равно что водить автобус, говорил он. Но с таким секстантом в каюте человек все-таки чувствует себя моряком.

Кой установил алидаду в центр лимба и осторожно положил секстант на место. Подошел к комоду, взял бумажник и вытащил визитную карточку, которую три дня тому назад, прощаясь на углу Рамблас, дала ему та женщина. На карточке не было ни адреса, ни телефона, только имя и фамилия: «Танжер Сото». Ниже она четким круглым почерком, с кружочком над «i» вместо точки, написала адрес мадридского Морского музея.

Закрывая шкатулку с секстантом, Кой насвистывал «Ночь самбы в испанском порту».

II. Трафальгарская витрина

Трудности бывают только на суше.
Д. Хефтен. Как противостоять шторму

Только потом он понял, что это – как в пропасть прыгнуть: совсем уж удивительный поступок для Коя, который не помнил, чтобы хоть раз в жизни прокладывал курс второпях. Он принадлежал к тому сорту людей, которые, сидя в штурманской рубке, спокойно, не торопясь и добросовестно делают необходимые пометки на навигационной карте. До того как он не по своей воле оказался без моря и без корабля, именно это и дарило ему удовлетворение от профессии, в которой столько всего требовалось знать, чтобы вовремя и точно проложить курс между точками, находящимися на разных широтах и долготах. Мало было в жизни удовольствий, сравнимых с этими часами, которые он проводил, вычисляя курс, дрейф и скорость судна, и в результате мог предсказать, что мыс такой-то или маяк такой-то появятся на горизонте через двое суток около шести утра в тридцати градусах по бакборту, а потом, в назначенный час, ждать на влажном от утренней росы мостике, поднеся к глазам бинокль, когда как раз там, где и было вычислено, возникнут серые очертания мыса или проблесковый огонь; отхронометрировав его период, он получал подтверждение правильности своих вычислений. В это мгновение Кой всегда внутренне улыбался, спокойно и удовлетворенно. Потом, наслаждаясь этой уверенностью, которую ему давали математика, навигационные приборы и собственный профессионализм, он приваливался к тихой и темной рубке или наливал себе кофе из термоса, довольный тем, что он здесь, на хорошем судне, а не мечется в неопределенном мире суши, который, к счастью, отсюда представлялся лишь призрачным сиянием за горизонтом.

Однако пунктуальность, с которой он наносил курс на морские карты и которая упорядочивала его жизнь, не спасла его ни от ошибки, ни от провала. Сказать «земля прямо по курсу», а потом физически ощутить наличие этой самой земли и все последствия непосредственного сближения с нею – совсем разные вещи, и не всегда они вписываются в упорядоченность жизни. Земля существовала, на картах и вне карт, и решительно заявляла о себе в самые неожиданные моменты, как обычно все подобное и происходит, пробивала утлое убежище – плавающий в бескрайнем океане кусок железа, на котором Кой чувствовал себя в полной безопасности. За шесть часов до того, как «Исла Негра», контейнеровоз компании «Мингес Эскудеро», сел на мель на полпути между мысом Доброй Надежды и Мозамбикским проливом во время вахты Коя, он, старший помощник, поставил капитана в известность, что карта Британского адмиралтейства особо предупреждает о неточности указания глубин в этом районе. Но капитан торопился, а кроме того, он ходил в этих водах двадцать пять лет по тем же картам, и никаких проблем у него не возникало. Они опаздывали на два дня, поскольку в Гвинейском заливе попали в шторм, а еще вынуждены были вызвать вертолет, чтобы эвакуировать матроса, который сломал позвоночник возле намибийского Берега Скелетов. «Английские карты так подробны, что их всегда покрывают папиросной бумагой, – сказал за ужином капитан. – Путь свободен, двести сорок морских саженей от самых высоких мелей, и на карте – ни единого мушиного следа. Так мы и пройдем между островом Терсон и островом Моуэтт-Грейв». Все произошло как по писаному – папиросная бумага и мушиный след между островками. Капитан был галисиец, шестидесяти с чем-то лет, небольшого роста, с красным лбом и седыми волосами. Он свято верил лоциям Британского адмиралтейства, прозывался доном Габриэлем Моа, сорок морских лет проложили борозды на его лице, и за все это время никто не видел, чтобы он потерял самообладание, даже когда в начале девяностых, по рассказам, штормовой волной посреди Атлантики у него смыло одиннадцать контейнеров и он больше суток шел с креном в двадцать градусов. Он был из тех капитанов, за которых судовладельцы и подчинен-

ные руку в огонь сунут: сдержанный на капитанском мостике, серьезный в каюте, незаметный на суше. Капитан старинного разлива, из тех, кто офицерам и стажерам говорит «вы», кого никак нельзя заподозрить в ошибке. Потому Кой и держался того курса, на котором английские карты указывали неточность в измерениях глубин, и через двадцать минут после начала своей вахты услышал, как стальной корпус «Ислы Негры» скрежещет по камню, содрогаясь под его ногами; и он, очнувшись, приказал по телеграфу: «Стоп машина», и тут капитан Моа с всклокоченными волосами выскочил на мостик в пижаме и уставился в темноту ночи очумело и бессмысленно – Кой таким его никогда не видел. Капитан только пробормотал три раза подряд «не может быть», а потом, словно так и не проснувшись полностью, хрипло сказал: «Стоп машина», хотя машину заглушили уже пять минут назад и рулевой недвижно застыл у руля, поглядывая поочередно на капитана и на Коя; Кой же смотрел на капитана с той ужасной уверенностью, которая дается внезапным озарением, смотрел на этого заслуженного командира, чьи приказания он полчаса назад исполнил бы, закрыв глаза, – хоть в Малаккском проливе с выключенным радаром, – и видел человека, который впервые не успел натянуть маску фальшивой репутации или, быть может – ведь людей меняют и возраст, и внутренние причины, – маску того заслуженного моряка, которым был когда-то. Сейчас Кой видел подлинного дона Моа – ошеломленного старика в пижаме, которого события застали врасплох и который не в состоянии отдать разумный приказ. Бедняга, он боялся, что пропала его пенсия, заслуженная за долгие сорок лет.

Предупреждение в британской лоции было не напрасным: во всяком случае, уж одна-то необозначенная подводная скала в проливе между Терсоном и Моуэттом имела, и космический шутник хохотал где-то во Вселенной, потому что эта одинокая скала в безбрежном океане оказалась точнехонько по курсу «Ислы Негры», точно так же, как знаменитый айсберг – по курсу «Титаника», и пришлось это столкновение на вахту старшего помощника Мануэля Коя. Как бы то ни было, оба – и капитан, и старпом – заплатили за все. Комиссия по расследованию – представитель компании и два капитана торгового флота – приняла во внимание послужной список капитана Моа и ограничилась тем, что досрочно и втихую отправила его на положенный отдых. Коя же упомянутая лоция Британского адмиралтейства разлучила с морем. И вот он оказался в Мадриде; застыв перед фонтаном со статуей мальчика, который с улыбкой одержимого душил дельфина, Кой больше всего походил на потерпевшего кораблекрушение, выброшенного морем на шумный пляж в разгар купального сезона. Засунув руки в карманы, он издали – поверх множества автомобилей, под какофонию множества гудков – созерцал бронзовый галеон перед домом номер пять на Пасео-дель-Прадо. Да, он не знал гидрографических заваек на курсе, которым собирался следовать, но уж слишком давно он мысленно оставил позади ту точку, где еще можно было изменить курс и повернуть судно. Секстант «Вимс энд Плат», который его друг Серхи Соланс купил в конце концов по вполне разумной цене, обеспечил Коя билет на поезд Барселона – Мадрид, использованный им сегодня ночью, а также фонд выживания с гарантированной плавучестью на две недели; часть этого фонда находилась у него в кармане, а другая – в холщовой сумке, оставленной в камере хранения вокзала Аточа. Было двенадцать сорок пять солнечного весеннего дня, пестрый и шумный поток машин катился к площади Сибелес, рядом с Паласио-де-Корреос, за которым скрывались ставка Верховного главнокомандования и служебные помещения Морского музея. Полчаса назад Кой посетил Главное управление торгового флота, расположенное двумя кварталами дальше: хотел узнать, что у него нового по административной линии. Служащая управления, немолодая любезная и улыбкающая женщина, у которой на столе стоял горшок с геранью, прекратила улыбаться, когда, нажав соответствующие клавиши, увидела на экране монитора файл Коя. «В апелляции отказано», – безлично сказала она. Официальное извещение ему вышлют почтой. И перестала обращать на него внимание, вернувшись к своим делам. Быть может, отсюда, из этого кабинета в трехстах милях от ближайшего моря, эта женщина вдыхала морскую романтику и ей не по

душе были моряки, которые сажали свои корабли на мель. А может, все наоборот: она – бесстрастная, объективная чиновница, для которой посадить корабль на мель в Индийском океане – проступок, ничем не отличающийся от дорожного происшествия, а моряк, отстраненный от работы и занесенный работодателями в черный список, ничем не отличается от любого человека, лишенного суровым судьей водительских прав. Плохо то, размышлял Кой, что в этом последнем случае женщина не так уж и не права. В наше время, когда спутники дают координаты и курсы, а мобильные телефоны свели на нет моряков, умевших принимать решения, когда любой чиновник воображает, что может управлять трансатлантическими лайнерами и танкерами водоизмещением сто тысяч тонн, мало что отличает моряка, посадившего судно на мель, от водителя, вылетевшего с дороги, который забыл нажать на тормоза или сел за руль в пьяном виде.

Кой постоял, раздумывая, что предпринять дальше, пока все эти мысли не остались далеко позади по курсу. Наконец он решился. Поглядывая по сторонам, подождал, когда ближайший светофор прервет бесконечный поток автомобилей, и уверенно зашагал под каштанами с молодой листвой, пересек улицу и подошел к входу в музей, у которого стояли в карауле курсанты мореходки в штанах с красными бахромчатыми лампасами, в белых португезах и касках; прежде чем пропустить его через арку металлоискателя, они с любопытством оглядели его тужурку. У Коя засосало под ложечкой, когда он, поднявшись по широкой лестнице, свернул направо и оказался перед книжным киоском, рядом с огромным двойным штурвалом корвета «Наутилус». Налево была дверь в помещения администрации и служб, направо – выставочные залы. На стенах висели картины и модели кораблей, за столиком с выражением скуки на лице сидел моряк в форме, а за прилавком киоска, где продавались книги, гравюры и музейные сувениры, стоял штатский. Кой облизнул губы, у него внезапно пересохло во рту. Он обратился к штатскому:

– Мне нужна сеньорита Сото.

В горле тоже пересохло, и голос прозвучал хрипло. Кой быстро взглянул налево, на дверь, боясь, что сейчас появится она и вид у нее будет либо удивленный, либо раздраженный: какого черта тебя сюда принесло и тому подобное. Он провел ночь без сна, прислонив голову к собственному отражению в темном стекле вагона и раздумывая, что скажет ей, но сейчас все это растаяло, как след за кормой. И, подавляя желание повернуться и уйти, он переминался с ноги на ногу, пока человек за прилавком – средних лет, в очках с толстыми стеклами – доброжелательно изучал его.

– Танжер Сото?

Кой кивнул, ощущая какую-то нереальность происходящего. Странно слышать, подумал он, это имя от другого человека. В конечном счете, решил он потом, есть же у нее собственная жизнь. Есть люди, которые говорят ей «привет», «пока» и тому подобное.

– Да, – сказал он. И вдруг почувствовал, что нет ничего странного или нелепого в том, что он приехал в Мадрид и сумка его валяется в камере хранения на вокзале Аточа, а он пришел сюда ради встречи с женщиной, с которой провел всего часа два. С женщиной, которая его и не ждет.

– Она вас ждет?

Он пожал плечами:

– Возможно.

Человек за прилавком раздумчиво повторил: «Возможно». Он недоверчиво разглядывал Коя, и Кой пожалел, что не сумел утром побриться – он брился перед тем, как отправиться на вокзал Сане в Барселоне, и сейчас на подбородке уже вылезла темная щетина. Он поднял было руку, чтобы потрогать ее, но на полпути все-таки остановился.

– Сеньора Сото вышла, – сказал человек за прилавком.

Чуть ли не с облегчением Кой кивнул. Краем глаза он увидел, что моряк за столиком, не отрываясь от своего журнала, разглядывает его потертые джинсы и обувь. Хорошо еще, что Кой сменил белые теннисные туфли на старые мокасины на рифленной подошве.

– Она сегодня еще будет?

Человек за прилавком бросил взгляд на морскую тужурку Коя, словно пытаясь установить, может ли темное сукно служить достаточной гарантией респектабельности его владельца.

– Возможно, да, – ответил он после некоторого размышления. – Музей закрывается в половине второго.

Кой посмотрел на часы и показал рукой на вход в выставочный зал. В глубине, по сторонам следующей двери, висели большие портреты Альфонсо XII и Изабеллы II; дальше, в следующем зале, виднелись витрины, модели кораблей и корабельных пушек.

– Тогда я подожду вон там.

– Как угодно.

– Вы ей скажете, когда она придет? Моя фамилия Кой.

И он улыбнулся. Ее отсутствие давало некоторую отсрочку, это успокаивало. Человека за прилавком тоже оставило напряжение, когда он увидел эту усталую и искреннюю улыбку, за которой проглядывались шесть часов в ночном поезде и шесть чашек кофе.

– Конечно.

Кой пересек зал; резиновые подошвы мокасин заглушали его шаги по деревянному полу. Страх, от которого у него сжимались внутренности, уступил место жутковатой неуверенности, как бывает при качке, когда на мгновение теряешь равновесие и пытаешься ухватиться за леер, но там, где он должен быть, его нет. Кой надеялся успокоиться, разглядывая то, что его окружало. Он шел мимо огромной картины: Колумб и его спутники на суше, рядом с крестом, позади, на фоне карибской синевы, реют брейд-вымпелы, индейцы, не ведая, что их ожидает, склонились перед первооткрывателем... Кой свернул направо и остановился перед витриной с навигационными приборами. Коллекция эта была великолепна: он полюбовался градштокками, квадрантами, хронометром Арнольда и замечательным собранием астролябий, октантов и секстантов восемнадцатого – девятнадцатого веков, за каждый из которых кто-нибудь с удовольствием заплатил бы намного больше, чем он получил за свой скромный «Вимс энд Плат».

Посетителей было мало, а сам музей показался Кою больше и светлее, чем ему помнилось по прежним временам. Один старик тщательно изучал большую карту Гибралтара, молодая супружеская пара, по виду – иностранцы, рассматривала витрины в зале Великих географических открытий, а дальше, в зале, посвященном истории галеона «Сан-Диего», стайка школьников слушала объяснения учителя. Кой бродил по центральному патио, освещенному потолочными светильниками, как солнцем в зените. Если бы его не преследовало воспоминание о женщине, из-за которой он оказался здесь, Кой получал бы истинное удовольствие, рассматривая модели фрегатов и линейных кораблей, полностью оснащенных или показанных в разрезе, чтобы продемонстрировать сложное внутреннее устройство; всего этого он не видел, когда был здесь в последний раз, а случилось это двадцать лет назад, когда он еще учился в мореходке и ходил сюда по улице Монтальбан. Несмотря на долгую разлуку, он сразу же и с удовольствием узнал своего тогдашнего любимца – трехпалубный корабль восемнадцатого века, вооруженный ста пятьюдесятью пушками, почти три метра длиной, который стоял в огромной витрине, – модель корабля, никогда не бороздившего морей, поскольку его так и не построили. Вот это были моряки, подумал Кой, как думал всякий раз, изучая такелаж, парусную оснастку и рангоут корабля в уменьшенном масштабе, удивляясь высоте, на которую сильные и отчаянные люди карабкались, удерживая равновесие на ненадежных выбленках, чтобы убирать или крепить паруса в разгар шторма или битвы, когда свистят ветер и пули, а внизу – неумолимое море и раскачивающаяся под мачтами палуба. На мгновение Кой перенесся на этот корабль, почувствовал себя капитаном крейсера, в предрассветных сумерках долгими часами пресле-

дующего неуловимый парусник на горизонте. Оказался в том времени, когда не существовало ни радара, ни спутников, ни эхолотов, когда корабли – стаканчиками для игральные костей у самых врат ада – швыряло по морю, смертельно опасному, однако дававшему нерушимое убежище от всего на свете, от проблем, от уже прожитых и еще не прожитых жизней, от смертей, ожидаемых и свершившихся, – все это оставалось позади, на суше. «Мы пришли слишком поздно в слишком старый мир», – прочитал Кой в какой-то книжке. Конечно, слишком поздно. Мы пришли, когда корабли, порты и моря уже слишком состарились, вымирающие дельфины шарахаются от форштекней, Конрад давным-давно сочинил «Теневую черту», Джон Сильвер стал маркой виски, а Моби Дик превратился в добродушного кита из мультяшки.

Перед копией обломка мачты с «Санта-Аны» Кой столкнулся с морским офицером – на нем была безупречная военная форма с двумя золотыми нашивками капитана второго ранга. Моряк уставился на Коя, и тот сначала выдерживал этот взгляд, а потом отвел глаза и направился в дальнюю часть зала.

Прошло еще двадцать минут. По крайней мере один раз в минуту Кой пытался сосредоточиться на словах, которые скажет ей, когда она появится – если, конечно, появится; и двадцать раз ничего не выходило: он открывал рот, словно она действительно стояла перед ним, и был не способен начать хоть сколько-нибудь связную фразу. Он остановился в зале, посвященном Трафальгарской битве, под картиной, изображавшей одну из сцен морского боя – «Санта-Ана» против «Ройял Соверен», – и вдруг у него снова засосало под ложечкой, его словно что-то гнало, вот именно – гнало, торопило бежать отсюда. «Снимайся с якоря, идиот», – сказал он себе; с этими словами он будто очнулся и хотел уже было сломя голову бежать вниз по лестнице, чтобы сунуть голову под кран с холодной водой, а потом как следует потрясти ею, чтобы вытряхнуть забившие ее сумбурные мысли. «Вот проклятый дурак, – ругал он себя, – двадцать раз дурак! Сеньорита Сото. Я даже не знаю, есть ли у нее кто-нибудь, а может, она вообще замужем».

Он повернулся и нерешительно двинулся обратно – и тут его взгляд случайно упал на табличку под витриной: «Перевязь и бордажная сабля, которая была на командире корабля „Антилья“ доне Карлосе де ла Роча в день Трафальгарской битвы...» Прочитав, он поднял глаза и увидел в стекле отражение Танжер Сото. Она стояла у него за спиной. Кой не слышал, как она подошла, она не двигалась и молчала, смотрела на него отчасти с удивлением, отчасти с любопытством – такая же нереальная, как в первый раз, когда он ее заметил. Такая же неуловимая, как ее тень, запертая в витрине.

Кой был человек необщительный. Мы уже говорили, что это его свойство, а также некоторые книги и ясное понимание некоторых темных сторон человеческой натуры, пришедшее к нему в юности, очень рано заставили его уйти в море. Однако такая точка зрения на мир или жизненная позиция оказалась не совсем уж несовместима с определенной наивностью, иногда проявлявшейся и в его поступках, и в том, как он спокойно и молча взирал на других людей, и в отчасти неуклюжей манере, с которой он держался на суше, и в его улыбке, искренней, рассеянной, почти застенчивой. В море он ушел совсем мальчишкой, и толкнула его туда скорее интуиция, нежели осознанный выбор. Но жизнью невозможно управлять, как хорошим судном, – вот и уходили мало-помалу швартовы в воду, наматывались иногда на винт, что влекло за собой вполне ясные последствия. Так же надо рассматривать и его любовные истории. Да, были у него, конечно, женщины. И среди них одна-две задевали его, касаясь не одной лишь кожи, а проникали в самое тело, в кровь и мозг, запускали в нем физические и химические реакции, действовали как обезболивающие и производили все полагающиеся разрушения. ЗОУД – Закон обязательной уплаты долгов. Но к нынешнему времени от всего этого в памяти моряка без корабля остались лишь легкие уколы. Воспоминания – и вполне точные, но уже не задевающие, более похожие на ностальгию по ушедшим годам, а их прошло уже восемь или девять с тех пор, как для Коя в последний раз была важна женщина, чем на ощущение

ние истинной потери, физического отсутствия. По сути, эти призраки все еще держались в его памяти, поскольку принадлежали тому времени, когда для него все только начиналось, когда золотом горели галуны на сногшибательной тужурке темно-синего сукна и на плечах рубашек, он любовался своими обновками, как любовался телом обнаженной женщины, тому времени, когда жизнь представлялась новой и хрустящей, как навигационная карта, еще не испещренная пометками и следами ластика. Когда он – правда, не часто, – глядя на землю на горизонте, испытывал смутное желание, чтобы кто-то или что-то ждало его на берегу. Остальное – боль, измена, упреки, бесконечные ночи без сна рядом с безмолвной спиной казались в то время подводными камнями, подлыми убийцами, выжидающими своего неминуемого часа, и ведь не существовало карты, где были бы пометки, предупреждающие о вероятном их присутствии. На самом деле он тосковал не по этим женским теням – он тосковал по себе самому, точнее, по тому человеку, каким тогда был. И возможно, в этом заключалась единственная причина, по которой эти женщины, точнее – эти расплывчатые тени, последние якорные стоянки в его жизни, являлись к нему в Барселоне на призрачные свидания во время долгих вечерних прогулок возле моря. Он шел по деревянному мосту в Старый порт, закатное солнце зажигало своими лучами вершину Монт-жуича и башню Иакова I, молы и пирсы «Трансмедитерранеа», где на старых кнехтах и причальных тумбах он рассматривал шрамы, оставленные на чугуне и камне тысячами швартовых и канатов давно затонувших или потерпевших крушение кораблей. Иногда он думал об этих женщинах – или о своих воспоминаниях о них, – обходя центральные торговые улицы и киношки Маремагнум, и другие мужчины и другие женщины, одинокие, отстраненные, погруженные в себя, подремывали на лавочках и мечтали, глядя на море, на чаек, планировавших за кормой рыбацких судов, что шли по красной воде под Часовой башней, неподалеку от старого корабля без парусов и оснастки, который, как помнил Кой, стоял тут испокон веку, год за годом, и палуба его растрескивалась и выцветала от солнца и ветра, дождя и времени. Этот старый парусник нередко наводил Коя на мысль, что в свой назначенный час и кораблям, и людям должно исчезнуть в открытом море, а не гнить на привязи у берега.

А сейчас Кой говорил уже пять минут без перерыва. Он сидел на втором этаже Морского музея у окна и, когда оборачивался, едва не задевал зеленые ветки одного из каштанов, стоявших вдоль Пасео-дель-Прадо до самого фонтана «Нептун». Кой ронял слова, словно наполняя пустоту, – ему было бы неловко, если бы паузы слишком затягивались. Он говорил медленно и, прежде чем заговорить после короткого молчания, слегка улыбался. Его неуверенность исчезла, как только он увидел в стекле витрины ее лицо; говорил он спокойно, вполне овладев собой, ему хотелось избежать пауз и возможных вопросов или хотя бы оставить их на потом. Иногда он отводил глаза, но вскоре снова смотрел ей прямо в лицо. Ему необходимо было приехать в Мадрид, сказал он. У него тут официальное дело, и с другом встретиться надо. Удачно вышло, что музей оказался по пути. Он говорил что придется, так же как тогда, в Барселоне, с откровенной, столь свойственной ему застенчивостью; а женщина слушала и молчала, слегка наклонив голову, так что асимметрично постриженные волосы касались ее подбородка. И темные глаза с кобальтовыми искрами, устремленные на Коя, снова казались ему темно-синими; ее легкая искривленная улыбка лишала смысла все его выдумки.

– Вот и все, – закончил он.

То есть – ничего, ведь он еще не сказал и не сделал ничего – только очень осторожно, самый малый вперед, приблизился к гавани в ожидании, когда на борт поднимется лоцман. Совсем ничего, и Танжер Сото знала это не хуже, чем он сам.

– Ну что ж... – сказала она.

Скрестив руки, она облокотилась на край своего стола и глядела на него задумчиво и пристально, как тогда; но на сей раз она чуть-чуть улыбалась, словно хотела поблагодарить его или за предпринятые усилия, или за его спокойствие, или за то, что он смотрел ей прямо в глаза, без бахвальства и натужности. Она словно бы оценила, каким образом он появился у

нее, как произнес все необходимые слова, чтобы оправдать это появление, а потом замолчал, глядя на нее ясным взглядом и с ясной улыбкой в ожидании ее решения.

Теперь заговорила она. Заговорила, не отводя глаз, заинтересованно следя, какой эффект возымеют ее слова или, быть может, интонация, с которой она их произносила. Она говорила очень естественно, и тень приязни или благодарности скользила по ее губам. Вспомнив о том странном вечере в Барселоне, сказала, что рада видеть его снова. И наконец они просто смотрели друг на друга – все, что могло быть сказано, уже было сказано. И Кой опять понял, что настало время уходить или же надо найти новую тему, предлог, черт его побери, чтобы остаться, иначе она проводит его до двери, поблагодарит, что зашел, хотя может и сказать, чтобы он пока не уходил.

– Надеюсь, тот тип больше тебя не беспокоил.

– Какой тип? – Перед тем как задать встречный вопрос, она помедлила – чуть больше, чем следовало, и он это отметил.

– Ну этот, с седой косицей, с разноцветными глазами. – Кой поднес руку к лицу, к своим глазам. – Далматинец.

– Ах этот... – И больше ничего не сказала, но Кой увидел, как сжались ее губы. – Этот... – повторила она.

Быть может, она сейчас думала о том человеке, но столь же вероятно, что просто искала способ ускользнуть от ответа. Кой засунул руки в карманы и огляделся. Кабинет был маленький и светлый, снаружи на двери – он заметил, входя, – висела табличка: «IV отдел. Исследования и приобретения». На стене он увидел старинную гравюру с морским пейзажем, возле – мольберт с гравюрами, планами и морскими картами. Застекленный шкаф был набит книгами и архивными делами, на столе лежали папки с документами и стоял компьютер, экран которого окружали бумажки-самоклейки, исписанные круглым почерком старательной школьницы; Кой сразу узнал этот почерк – в кармане у него лежала ее визитная карточка – по букве «i» с кружочком, заменяющим точку.

– Нет, больше он меня не беспокоил, – наконец произнесла Танжер так, словно ей необходимо было порыться в памяти, чтобы вспомнить, о чем, собственно, речь.

– А тогда казалось, что он совсем не собирается мириться с тем, что Уррутия от него уплыл.

Он заметил, что она прищурилась.

– Найдет другой экземпляр.

Женщина была в открытой блузке цвета слоновой кости, и Кой смотрел на ее шею, на ту же серебряную цепочку, что он видел раньше, и ему стало интересно, что на ней висит. Если металл, подумал Кой, то он чертовски горячий.

– А я ведь так и не знаю, ты этот атлас для себя покупала или для музея? Дело в том, что аукцион...

Внезапно он умолк, поскольку увидел Уррутию. В одном ряду с другими книгами большого формата он стоял в застекленном шкафу. Кой сразу же узнал кожаный корешок с золотым тиснением.

– Для музея, – ответила она и, помедлив секунду, добавила: – Разумеется.

Она проследила за взглядом Коя и тоже увидела атлас. В сиянии солнечного света ее профиль горел.

– Этим ты и занимаешься? Раздобываешь всякие редкие вещи?

Она слегка наклонилась вперед – качнулись и пряди волос. На ней был расстегнутый серый вельветовый жакет поверх блузки, темная широкая юбка, черные туфли на совсем низком каблуке и черные же чулки, отчего она казалась выше и худощавее, чем на самом деле. Девочка из хорошей семьи, еще раз отметил Кой и понял, что впервые видит ее при естествен-

ном освещении. Сильные руки, интеллигентный голос. Здоровая, вежливая. Спокойная. На вид, во всяком случае, подумал он, взглянув на неровные короткие ногти.

– В определенном смысле это моя работа, – кивнула она через мгновение. – Просматривать каталоги аукционов, отслеживать торговлю антиквариатом, посещать другие музеи и ездить туда, где появляется что-то интересное... Потом я пишу отчет, и начальство принимает решение. У попечительского совета очень небольшой фонд для исследований и приобретений, и я забочусь, чтобы средства тратились правильно.

Кой наморщил нос, вспомнив ожесточенную дуэль на аукционе:

– Значит, твой далматский друг погиб героически – сразив и тебя? Уррутия обошелся вам в целое состояние...

Она вздохнула с веселой покорностью судьбе и подняла руки, раскрыв ладони, – как бы показывала, что осталась ни с чем. Тут Кой снова обратил внимание на необычные мужские часы со стальным корпусом, которые она носила на правой руке. Больше на руках у нее ничего не было – ни браслетов, ни колец. И в ушах уже не было золотых сережек, которые он видел три дня назад в Барселоне.

– Да, он стоил нам очень дорого. Обычно мы столько не тратим... Тем более что у нас в музее много картографии восемнадцатого века.

– Уррутия был настолько необходим?

Она снова наклонилась над столом и на мгновение замерла, опустив голову; затем подняла ее, и на лице было уже совсем другое выражение. Солнце опять осветило золотистые пятнышки на ее коже, и Кой подумал: сделай он шаг вперед – и сумел бы разгадать, какой аромат исходит от этой загадочной географической карты с точечной разметкой.

– Этот атлас, после пятилетних трудов, напечатал в тысяча семьсот пятьдесят первом году географ и моряк Игнасио Уррутия Сальседо, – начала объяснять она. – Лучшее пособие для мореплавателей, пока в тысяча семьсот восемьдесят девятом не появился «Гидрографический атлас» Тофиньо, намного более точный. Экземпляров в хорошем состоянии осталось совсем мало, а в Морском музее вообще не было этого атласа.

Она открыла стеклянную дверцу шкафа, достала тяжелый том, положила на стол и раскрыла его. Кой подошел поближе, они стали рассматривать атлас вместе, и он убедился в том, что и так интуитивно знал с первой минуты. Ни намек на одеколон или духи. От нее веяло только чистотой и прохладой.

– Хороший экземпляр, – сказала она. – Среди букинистов и антикваров немало бессовестных людей: если им удастся заполучить такой атлас, они расшивают книгу и продают ее отдельными листами. Но этот остался в целостности и сохранности.

Она осторожно переворачивала большие страницы – под ее пальцами шелестела бумага, плотная, белая, в прекрасном состоянии, несмотря на то что атласу было уже два с половиной века. «Морской атлас побережья Испании», – прочел Кой на фронтисписе с тончайшей гравюрой, на которой был изображен морской пейзаж: лев меж двух колонн с девизом «Plus Ultra»⁴ и различные навигационные инструменты. «Составлен из шестнадцати сферических карт и двенадцати планов, от Байонны во Франции до мыса Крё». Это было собрание морских карт и планов портов, отпечатанных в большом формате и переплетенных для вящей сохранности и удобства пользования. Первой в нем шла карта побережья между мысом Сан-Висенте и Гибралтаром, очень детальная, с указанием глубин в морских саженях и с подробнейшим указанием всех опасных мест. Кой пальцем вел по береговой линии между Сеутой и мысом Эспартель, ненадолго задержавшись на городе, чье имя носила женщина, стоявшая рядом. Потом он пересек пролив, поднявшись к северу, к Тарифе, и двинулся на северо-запад, снова задержавшись у Асейтеры, где крестики, обозначающие опасность, стояли гораздо более

---

⁴ Здесь: «Вперед, за пределы возможного» (лат.).

точно, чем на современной карте Британского адмиралтейства в проходе между Терсоном и Моуэтт-Грейвом. Кой хорошо знал карты Гибралтарского пролива; и почти все совпадало, причем настолько, что оставалось только удивляться такой точности, практически невозможной для гидрографии тех времен, когда не существовало не только снимков из космоса, но и технических достижений конца восемнадцатого века. Он видел размеченные по градусам и минутам шкалы долготы и широты, справа находилась шкала широт, а шкала долгот повторялась четырежды – в зависимости от того, какой меридиан принимался за нулевой: Париж, Тенерифе, Кадис или Картахена. Кой вспомнил, что в те времена еще не был принят универсальный нулевой меридиан – Гринвичский.

– Отлично сохранился этот атлас, – с восхищением произнес он.

– Просто великолепно. Этот экземпляр никогда не бывал на борту корабля.

Кой перелистал несколько страниц: «Сферическая карта побережья Испании от Агилас и горы Копе до башни Эррадора, иначе называемой Орадада...» Эту часть побережья он знал наизусть – неприветливый каменистый берег с узкими скалистыми бухтами и подводными камнями. Там прошло его детство. Палец передвигался по плотной бумаге: мыс Тиньосо, Эскомбрерас, мыс Агуа... Очертания были выведены столь же точно, как и на карте Гибралтара.

– А здесь ошибка, – вдруг сказал он.

Она посмотрела на него скорее заинтересованно, чем удивленно:

– Ты уверен?

– Абсолютно.

– Ты знаешь это побережье?

– Я там родился. Даже нырял – за античными амфорами и прочими археологическими редкостями.

– Ты и водолаз?

Кой прищелкнул языком и покачал головой:

– Нет, в профессиональном смысле – нет. – Он чуть улыбнулся, словно извиняясь. – Летом на каникулах подрабатывал.

– Но опыт-то у тебя есть...

– Какой там опыт... – пожал он плечами. – В молодости еще какой-то был. А теперь я уже столько лет не суюсь в воду...

Она склонила голову к плечу и внимательно посмотрела на него. Потом снова глянула на его палец, еще лежавший на карте:

– А какая здесь ошибка?

Он сказал какая. На карте Уррутии мыс Палос обозначался на две-три минуты южнее того места, где расположен в действительности; Кой столько раз огибал его, что наизусть знал координаты. На самом деле этот мыс находится на $37^{\circ} 38'$ северной широты, секунд он сейчас не помнил, а на карте Уррутии – примерно на $37^{\circ} 36'$. Несомненно, потом эти координаты – с течением времени и усовершенствованием способов съемки – неоднократно уточнялись.

– В конце концов, – сказал он, – что значит пара морских миль для карты тысяча семьсот пятьдесят первого года, да еще выполненной в сферической проекции?

Танжер молчала, не отрывая глаз от старинной гравюры. Кой пожал плечами:

– По-моему, тебя такого рода неточности завораживают. У тебя в Барселоне был предел, выше которого ты не могла поднимать цену, или нет?

Она все так же сидела, опершись о стол и глядя на карту. Казалось, мысли ее витали где-то далеко, и ответила она не сразу.

– Конечно был, – наконец сказала она. – Морской музей – не Испанский банк... К счастью, цена не перекрыла наши возможности.

Кой тихонько рассмеялся, и она взглянула на него вопросительно.

– На аукционе я думал, что для тебя это что-то очень личное... Ты так упорно сражалась.

– Конечно личное, – ответила она несколько раздраженно. И снова посмотрела на карту так, будто что-то приковывало ее внимание. – Это моя работа. – Она встряхнула головой, будто отгоняя мысль, которую не собиралась высказывать. – Ведь это я предложила приобрести Уррутию.

– И что вы в музее теперь с ним будете делать?

– Я его полностью изучу, каталогизирую, сниму копии для внутреннего пользования. А потом он перейдет в историческую библиотеку музея, как и все приобретения такого рода.

В дверь вежливо постучали, она открылась, и Кой увидел капитана второго ранга, с которым недавно встретился в выставочном зале. Танжер Сото извинилась, вышла в коридор и некоторое время тихо разговаривала с капитаном в коридоре. Собеседник ее был немолод, но строен, а золотые пуговицы и нашивки придавали ему значительность. Иногда он посматривал на Коя – с любопытством, в котором сквозила ревность. Коя не нравились ни эти взгляды, ни его чрезмерная улыбчивость, когда он обращался к Танжер. Настолько не нравились, что про себя он горько вздохнул. Как и большинство моряков торгового флота, Кой недолюбливал моряков-военных, – казалось, они слишком задирают нос, и вообще это был закрытый клан: они придерживались эндогамии, беря в жены лишь дочерей военных моряков, не пропускали воскресных месс и обзаводились чрезмерным количеством детей. А кроме того, в морских сражениях они участия не принимали и в непогоду сидели дома.

– Я должна уйти на несколько минут, – сказала Танжер. – Подожди меня.

И пошла по коридору вместе с капитаном, который перед уходом бросил на Коя последний, однако ничего не говорящий взгляд. Кой наконец осмотрелся как следует: сначала он еще поразглядывал карту Уррутии, потом – те предметы, что были у Танжер Сото на столе, гравюру на стене – Тулонское сражение, лист четвертый – и книги в шкафу. Он уже совсем было собрался сесть снова, когда заметил стойку, на которой под наваленными сверху листами обнаружил планы парусников, и, обратив внимание на рангоуты, понял, что все они – бригантины. Под планами лежали аэрофотоснимки побережья, копии старинных морских карт и одна современная – номер 46А Института гидрографии Морского флота – от мыса Гата до мыса Палос, – которая полностью соответствовала той странице, на которой был раскрыт атлас Уррутии.

Отметив это совпадение, Кой улыбнулся.

Через минуту женщина вернулась, с покорной гримаской извинившись за свое отсутствие.

– Начальник, – сказала она. – Совещание на высшем уровне по вопросу о графике отпусков. Совершенно секретное.

– Значит, ты работаешь на военно-морской флот.

– Как видишь.

Коя это позабавило.

– Получается, ты вроде солдата.

– Ничего подобного. – Золотистые волосы метнулись направо и налево, когда она покачала головой. – Я не на военной службе... Защитив диплом по истории, я подала на конкурс. И четыре года работаю здесь. – Сказав это, она задумалась, глядя в окно и прикрыв глаза. Потом, очень медленно, словно у нее из головы никак не шла какая-то мысль, вернулась к столу, закрыла атлас и поставила его в шкаф. – Вот мой отец – он действительно был солдат, – добавила она.

В этих словах прозвучал оттенок не то вызова, не то гордости. Кой обрадовался – про себя, конечно, – ведь кое-что теперь становилось понятным: ее манера двигаться, какие-то жесты. И эта спокойная дисциплинированность, немного даже высокомерная, которая иногда явно помогала ей не выпускать руль из рук.

– Он был военный моряк?

– Нет, просто военный. Ушел в отставку полковником. Почти всю жизнь он прослужил в Африке.

– Он жив?

– Нет.

Никаких эмоций в ее голосе не было. Понять, что она испытывает, отвечая на эти вопросы, не представлялось возможным. Кой посмотрел в темно-синие глаза, и она без труда выдержала этот визуальный допрос, никак не показав, что вообще заметила его. И тогда Кой улыбнулся:

– Поэтому тебя называли Танжер.

– Поэтому меня называли Танжер.

Они не торопясь шли мимо музея Прадо и ограды Ботанического сада, потом поднялись по Клаудио-Мойано, оставив позади шум и сутолоку площади перед вокзалом Аточа. Солнце освещало серые киоски и лотки с книгами, бесконечными рядами поднимавшиеся вместе с улицей в гору.

– Зачем ты приехал в Мадрид?

Он смотрел на мостовую перед своими мокасинами. Он уже ответил на этот вопрос – только чтобы увидеть тебя, – еще до того, как она его задала. Общие места и надуманные предлоги тут негодились, и несколько шагов он сделал молча, затем потер нос:

– Я приехал повидать тебя.

Это у нее, видимо, не вызвало ни удивления, ни любопытства. Вельветовый жакет она не застегнула, а перед выходом из музея повязала на шею шелковый платок осенних тонов. Полуобернувшись, Кой смотрел на ее невозмутимое лицо.

– Зачем? – спросила она безучастно.

– Не знаю.

Некоторое время они шли молча. Потом, ни с того ни с сего, остановились перед лотком, на котором кучами громоздились уже не раз кем-то читанные детективы – словно обломки потерпевшего крушение корабля, выброшенные волнами на берег. Кой без особого внимания пробежал глазами по обложкам: Агата Кристи, Джордж Кокс, Эллери Куин, Лесли Чартерис. Танжер взяла одну книжку, с отсутствующим видом посмотрела на нее и положила на место.

– Ты сумасшедший, – сказала она.

Они шли дальше. Между лотками бродили люди, искали книги, брали их в руки, пролистывали. Торговцы не возмущались, просто не спускали глаз с покупателей. Все они были в свитерах, ветровках или куртках, их кожа задубела за годы, проведенные на солнце, на ветру, под дождем; Кою они напоминали моряков в каком-то невероятном порту, заблудившихся между волнорезами, возведенными из бумаги, испачканной типографской краской. Кое-кто, присев между горами книг, полностью погрузился в чтение. Один-два, из самых молодых, поздоровались с Танжер, и она отвечала, называя их по именам: привет, Альберто, пока, Борис. Юноша в ковбойке, обшитой гусарским галуном, играл на флейте, и Танжер положила монетку в шапку перед ним, совершенно так же, как сделала это на глазах у Коя в Барселоне, бросив монету в цилиндр мима, грим которого испортил дождь.

– Я здесь хожу каждый день, это моя дорога домой. Иногда что-нибудь покупаю... Старые книги – это очень интересно, правда? В отличие от новых, они сами тебя выбирают, выбирают себе покупателя: эй, постой, вот она я, заberi меня с собой. Они как живые. – Она прошла еще несколько шагов и остановилась перед «Александрийским квартетом» – четыре тома в мятых обложках по бросовой цене. – Ты читал это? – спросила она.

Кой покачал головой. Этот Лоренс Даррелл, чья фамилия почему-то напоминала марку батареек, был ему глубоко безразличен. Первый раз в жизни он обратил внимание на его книги. Наверное, американец. Или англичанин.

– У него есть что-нибудь про море? – спросил он скорее из вежливости, чем из интереса.

– Нет, насколько мне известно. – Она тихо и почти ласково рассмеялась. – Хотя Александрия как была, так и остается портом...

Кой бывал в Александрии и ничего особенного не запомнил: безветренные дни, жара, портовые краны, докеры, притулившиеся в тени контейнеров, грязная вода, чавкающая между корпусом корабля и пирсом, тараканы, которые хрустят под ногами, когда сходишь на берег. Порт как порт, единственное отличие – в том, что ветер приносит облака красной пыли и она проникает повсюду. На четыре тома никак не тянет. Танжер дотронулась пальцем до первого – «Жюстин»:

– Все интеллигентные женщины, которых я знала, хоть раз в жизни хотели быть такими, как Жюстин.

Кой тупо посмотрел на книгу, не понимая, следует ему ее покупать или нет и не заставит ли букинист купить все четыре. На самом деле его привлекали другие книжки: «Корабль мертвых» некоего Б. Травена и трилогия Холла и Нордхофа про «Баунти»: «Мятеж на „Баунти“», «Человек против моря» и «Остров Питкерн» в одном томе. Но Танжер уже шла дальше; потом он увидел, как она улыбнулась, сделала еще несколько шагов и стала перелистывать книжку без переплета; «Хороший солдат», – прочел название Кой. С этим Фордом Мэдоксом Фордом Кой готов был примириться: ведь он вместе с Джозефом Конрадом написал «Приключение». Потом Танжер обернулась и пристально посмотрела на него.

– Ты сумасшедший, – повторила она. – Ты же меня не знаешь, – сказала она через несколько секунд. – Ты же ничего обо мне не знаешь.

Снова в голосе ее зазвучали жесткие нотки. Кой посмотрел направо, потом налево. Как ни странно, он не чувствовал себя пристыженным или не в своей тарелке. Он приехал повидать ее, он сделал то, что считал нужным сделать. Да, конечно, он многое бы отдал за то, чтобы предстать перед нею мужчиной элегантным, с хорошо подвешенным языком, чтобы иметь возможность предложить ей что-то, пусть даже деньги, которых хватило бы на покупку всех четырех томов этого «Александрийского квартета» и на ужин в дорогом ресторане, где он называл бы ее Жюстин или любым другим именем по ее желанию. Но это – не про него. Поэтому он молчал, стоял перед ней настолько естественно, насколько мог, и только чуть-чуть улыбался, одновременно искренне и застенчиво. Не много, но на большее он не был способен.

– У тебя нет никакого права вести себя так... Сваливаться мне на голову, будто так и надо... За Барселону я тебе уже сказала спасибо. И что, по-твоему, я теперь должна с тобой делать? Забрать тебя к себе, как старую книжку с развала?

– Сирены, – сказал он неожиданно.

Она в удивлении уставилась на него:

– Какие еще сирены?

Кой развел руками:

– Не знаю. Гомер говорит, они пели. Звали моряков... Верно? И те ничего не могли поделать.

– Потому что были полными кретинами. Шли прямо на рифы, разбивали свои корабли.

– Я уже был там. – Лицо Коя помрачнело. – Я уже был на рифах, и теперь у меня нет корабля. Пройдет еще какое-то время, пока у меня снова не появится корабль, а сейчас ничего лучше я придумать не могу.

Она резко обернулась, сердито приоткрыв рот, точно на языке у нее вертелось что-то очень для него неприятное. Синие глаза яростно сверкали. Это длилось какое-то мгновение, но Кой успел мысленно попрощаться с ее веснушками и с той мечтой, которая привела его к ней. «Наверное, надо было купить эту самую „Жюстин“», – печально думал он. Но как бы то ни было, моряк, ты сделал попытку. Секстанта, конечно, жалко. Потом он решил улыбнуться. «Я все равно улыбнусь, что бы она ни сказала, улыбнусь, даже если она пошлет меня к черту. Во всяком случае, последним, что она обо мне запомнит, будет моя улыбка. Хоть бы мне удалось

улыбнуться, как улыбался ее начальник, тот капитан второго ранга с золотыми пуговицами. Хоть бы рожа у меня не слишком перекосилась».

– Господи помилуй, – сказала она. – Ты ведь даже не красавец.

III. Затерянный корабль

Пусть даже ты делаешь в море все как следует, исполняешь все правила, рано или поздно оно тебя убьет. Но если ты хороший моряк, по крайней мере, ты будешь знать, где находишься в момент своей смерти.
Джастин Скотт. Морской охотник

Он терпеть не мог кофе. Он выпил тысячи чашек горячего и холодного кофе во время бесконечных ночных вахт, трудных и ответственных маневров, погрузок и разгрузок в портах, в минуты разочарований, нервного напряжения и опасностей; однако он так ненавидел этот горький вкус, что воспринимал его только в сочетании с молоком и сахаром. На самом деле кофе для него был тонизирующим средством, таким же, как для других – рюмка спиртного или сигарета. Курить он бросил давно. Что же до спиртного, то он крайне редко употреблял его в море, да и на суше не часто переходил отметку Плимсолла, загружая в трюм не больше двух порций джина. И лишь когда ситуация, компания или место требовали значительных доз спиртного, он сознательно позволял себе пить «сколько влезет». И в таких случаях, как и большинство известных ему моряков, он был способен поглотить невероятные количества чего угодно со всеми последствиями, которые это влечет за собой в тех географических точках, где мужья блюдают добродетель своих жен, полицейские поддерживают общественный порядок, а вышибалы ночных клубов следят, чтобы клиенты вели себя как положено и не удирали, не заплатив по счету.

Сегодня вечером об этом и речи не было. Порты, моря и вся его предыдущая жизнь находились слишком далеко от столика, за которым он сидел у входа в пансион на площади Санта-Ана, глядя на прохожих и болтающих в барах людей. Он заказал джин с тоником, чтобы отбить вкус кофе, липкая чашка еще стояла перед ним – по неловкости своей он всегда, размешивая сахар, проливал кофе на блюдечко, – и откинулся на спинку стула, засунув руки в карманы тужурки и вытянув ноги под столом. Он устал, но оттягивал минуту, когда придется лечь в постель. «Я тебе позвоню, – сказала она. – Позвоню сегодня вечером или завтра. Дай мне подумать немного». На вечер у Танжер была запланирована встреча, отменить которую она не могла, а потом она должна с кем-то поужинать, так что ему придется подождать. Это она ему сказала в полдень, когда они дошли до перекрестка проспекта Альфонсо XII и Пасео Инфанты Исабель и Танжер попрощалась, не позволив себя провожать. Резко повернулась к нему и протянула руку, крепкое пожатие которой он хорошо помнил. Кой спросил ее, куда она, черт возьми, собирается ему звонить, ведь в Мадриде у него нет ни жилья, ни телефона и вообще ничего, а багаж его – в камере хранения на вокзале. И тут он впервые увидел, как Танжер смеется. То был очень искренний смех, вокруг глаз у нее собрались морщинки, от которых, как ни странно, она очень помолодела и похорошела. Такой славный смех – как у мальчишки, с которым сразу же хочется сойтись поближе, поскольку интуиция подсказывает, что он станет отличным товарищем – и для игр, и для приключений. Именно так она и смеялась, держа его руку в своей, потом, извинившись за неуместную веселость, секунду-другую смотрела на него задумчиво, хотя смех еще не окончательно исчез с ее лица. Затем назвала пансион на площади Санта-Ана, напротив театра Эспаньоль, – она там жила два года в студенческие времена. Чисто и недорого. «Я тебе позвоню, – сказала она. – Увидимся мы или не увидимся, но я тебе обязательно позвоню, сегодня или завтра. Даю тебе честное слово».

Вот он и сидит здесь, перед пустой чашкой из-под кофе, уже отхлебнув джина с тоником – голубого в баре пансиона не нашлось, – который официантка только что ему принесла. Сидит и ждет. Весь вечер он не двигался с места, тут и поужинал бутербродом с пережаренной телятиной, запил его бутылкой минеральной воды, заранее предупредив, где его найти, если будут

звонить. Кроме того, она могла и просто зайти сюда, и он не отводил глаз от дальнего конца площади, чтобы высмотреть ее в ту минуту, когда она спустится сюда по улице Уэрта или по какой-нибудь другой из тех, что сбегают сюда от Пасео-дель-Прадо.

За припаркованными у тротуара автомобилями, между скамейками, стоявшими на площади, что-то бурно обсуждали нищие, пустив по кругу бутылку вина. Весь вечер они просили милостыню, шныряя по террасам уличных кафе, а теперь подводили итоги дня. Их было четверо – трое мужчин и одна женщина, а у ног одного из мужчин пристроилась собачонка. От входа в отель «Виктория» за ними пристально наблюдал жандарм, по виду – настоящий Робокот; заложив руки за спину и широко расставив ноги, он стоял на том самом месте, откуда минуту назад прогнал женщину-попрошайку. После того как Робокот исполнил свой долг, она, пробираясь между столиками, подошла к Кою.

– Дай немного денег, приятель, – сказала она бесцветным голосом, глядя перед собой невидящими глазами. – Дай.

«А она еще молодая», – подумал Кой, наблюдая, как компания нищих с собачонкой подбывает свою бухгалтерию. Давая ей монетку, он заметил, что, несмотря на испещренную пятнами кожу, русые с сединой волосы и смотрящие в никуда глаза, она еще сохраняла следы былой красоты: красиво очерченные губы, высокие скулы, осанку, тонкие, исхудавшие руки с длинными грязными ногтями. «Суша вредна человеку, – подумал он в который раз. – Она овладевает человеком и пожирает его, как сожрала тот парусник в Старом порту». Кой посмотрел на свои руки, лежавшие на коленях, и отметил первые признаки разложения – ту неизбежную проказу, которую нельзя не подхватить в городах, на обманчиво твердой земле, общаясь с другими людьми и дыша сухим, пресным воздухом. «Хорошо бы поскорее в море, – сказал он себе. – Хорошо бы найти какую-нибудь посудину, которая ушла бы в море со мной на борту, пока еще не поздно. Пока я еще не подхватил тот вирус, что разъедает сердца, лишает их компаса и управления и в конце концов на верную гибель выбрасывает на берег с подветренной стороны».

– Вас к телефону.

Официантка только глаза раскрыла: он тут же вскочил и большими прыжками промчался по коридору, который вел в холл пансиона. Раз. Два. Прежде чем взять трубку, он досчитал до пяти, чтобы выровнялось дыхание. Три, четыре, пять. Я слушаю. На том конце провода была она; вежливо и спокойно извинилась за столь поздний звонок. Да нет же, ответил он, еще совсем не поздно. Он ждал ее звонка. Перехватил бутерброд на террасе пансиона, а сейчас приступает к джину с тоником. Она еще раз извинилась, он снова повторил, что время совсем не позднее, и на линии установилось молчание. Кой оперся о стойку и принялся рассматривать сложный рисунок вен и сухожилий на своей широкой, короткопалой, сильной – отнюдь не аристократической – руке, ожидая, когда она заговорит. «Она лежит на диване, – подумал он. – Сидит на стуле. Уже забралась в постель. Она одета, нет, раздета, уже в пижаме. Или в ночной сорочке. Она босиком, перед ней открытая книга. Или включенный телевизор. Она лежит на спине. Или на животе. И ее веснушчатая кожа в свете лампы отливает старым золотом».

– Тут мне кое-что пришло в голову, – наконец сказала она. – Мне пришло в голову кое-что, и, может быть, тебя это заинтересует. У меня есть для тебя предложение. И я решила спросить, не придешь ли ты ко мне. Да, прямо сейчас.

Однажды, когда Кой плавал третьим помощником, у него произошла встреча с женщиной. Встреча длилась минуты две – ровно столько времени, сколько потребовалось яхте – женщина загорала на ее корме, – чтобы пройти мимо «Отаго», а Кой в те минуты с мостика всматривался в море. Над палубой мерно стучали молотки, которыми матросы обивали ржавчину с корпуса перед тем, как покрыть его суриком. Торговое судно стояло на якоре между Маламокко и мысом Саббиони, по ту сторону Лидо солнце сверкало в Венецианской лагуне, а за нею, тремя милями дальше, виднелись колокольня и купола Святого Марка и крыши город-

ских домов, плывущих в отраженном блеске света и песка. Слабый вест, узлов восемь-десять, покрывал море легкой рябью и разворачивал корабли кормой к пляжам, испещренным разноцветными зонтиками и кабинками. Этот же бриз привел сюда из прохода Маламокко яхту, и вот элегантная белизна поднятых по штирборту парусов скользила мимо Коя в полукабельтове. Он схватился за бинокль, чтобы получше рассмотреть яхту, он восхищался изысканностью обводов деревянного лакированного корпуса, оснасткой и сияющими на солнце металлическими деталями. У руля стоял мужчина, а на самой корме сидела и читала книгу женщина. Кой направил на нее бинокль: ее светлые волосы были собраны на затылке, а весь облик напоминал тех одетых в белое женщин начала века, которых так легко воображаешь себе в этих местах или на Ривьере. Тех красивых праздных женщин, чьи лица прятались под широкими полями шляп и зонтиками. Сфинксов, чуть опускавших веки, созерцая синеву моря, читая или просто храня молчание. Кой жадно изучал это лицо через двойные цейсовские линзы, разглядывал линию профиля, опущенный подбородок, глаза, сосредоточенно устремленные в книгу, выбившиеся волосы на висках. В прежнее время, подумал он, из-за таких женщин мужчины убивали друг друга, разорялись и ставили на карту свое доброе имя. Ему хотелось увидеть того, кто, возможно, ее достоин, но, переведя окуляры бинокля на человека у руля, он только и смог разглядеть, что мужчина стоит, повернувшись к другому борту, и лица его в этом ракурсе не рассмотришь, видны лишь седые волосы и загорелое тело. Яхта удалялась, и, не желая терять последние мгновения, Кой снова направил бинокль на женщину. Секундой позже она подняла голову, посмотрела прямо в бинокль, на Коя, глядя через расстояние и линзы ему в глаза. Взгляд был не мимолетный, не пристальный, не любопытный, не безразличный. То был взгляд спокойного и уверенного в себе существа, и казался он неземным. И Кой спросил себя, сколько же поколений женщин должно было смениться, чтобы они научились так смотреть. В это мгновение он страшно смутился, потому что рассматривал ее так пристально; в замешательстве он опустил бинокль и только теперь, глядя на яхту невооруженным глазом, понял: взгляд этот, глубоко проникший в его душу, был случайным: женщина просто рассеянно смотрела на стоявший на якоре корабль, который яхта миновала, направляясь в открытое море. Кой на мостике, облокотившись на поручень, наблюдал за тем, как яхта уходит все дальше и дальше в Адриатику. А когда спохватился и опять поднес бинокль к глазам, увидел лишь корму и черные буквы названия: «Riddle» – «Загадка».

Кой был не слишком умен. Он много читал, но только про море. Однако детство его прошло в окружении бабушек, тетюшек и кузин на берегах другого – внутреннего и древнего – моря, в одном из средиземноморских городков, где тысячи лет женщины в черном собирались по вечерам, чтобы поговорить вполголоса или молча понаблюдать за мужчинами. Из той поры он вынес некий атавистический фатализм, парочку расхожих истин и развитую интуицию. И теперь, сидя перед Танжер Сото, он думал о женщине с яхты. В конце концов, решил он, возможно, что это – прежняя, та самая женщина, в которой слились воедино все женщины мира, основа всех тайн и ключ всех решений. Та, которая умеет пользоваться молчанием, как, быть может, никто другой, ибо этим языком она уже много столетий владеет в совершенстве. Та, которая обладает мудрой ясностью сияющего утра, красных закатов и кобальтовой морской синевы – ясностью, закаленной в бесконечной печали и усталости, что копится не за одну лишь жизнь, в чем Кой до странности был уверен. А кроме того и прежде того, нужно быть самкой, женщиной, чтобы во взгляде отражалась эта смесь пресыщенности, мудрости, утомленности. И чтобы обладать такой проникающей силой, подобной стальной игле, силой, которой не обучишься, которую не подделаешь, силой, рожденной долгой генетической памятью бесконечного числа поколений женщин, перевозимых, как военная добыча, в трюмах черных кораблей, женщин, чьи ноги кровоточили среди дымящихся руин и трупов, женщин, ткущих и распускающих сотканное длинными бессчетными зимами, рожающих мужчин для новых и новых Троянских войн и ожидающих возвращения изнуренных героев, этих богов на глиняных ногах,

которых они порой даже любили, чаще боялись и – почти без исключений – рано или поздно начинали презирать.

– Хочешь еще льда? – спросила она.

Он покачал головой. Есть женщины, чуть ли не с испугом завершил он ход своей мысли, которые обладают таким взглядом с рождения. Тем взглядом, каким смотрели на него сейчас в маленькой гостиной, окна которой выходили на Пасео Инфанты Исабель и на освещенное здание из стекла и кирпича – вокзал Аточа. «Я расскажу тебе одну историю», – сказала она, едва Кой вошел. Танжер закрыла дверь и провела его в гостиную; за ней неотступно следовал лабрадор с короткой золотистой шерстью, который сейчас сидел рядом и смотрел на Коя темными печальными глазами.

– Я расскажу тебе одну историю про кораблекрушения и погибшие корабли – уверена, ты любишь такие истории, – и, пока я буду говорить, ты не раскроешь рта. Ты не будешь спрашивать меня, правда это или выдумка, и вообще ни о чем не будешь спрашивать, ты будешь молчать и пить чистый тоник, потому что я, как ни жаль, вынуждена тебе сообщить, что ни голубого, ни какого другого джина у меня в доме нет. Потом я задам тебе три вопроса, на которые ты ответишь только «да» или «нет». После чего я разрешу тебе задать мне один вопрос, один-единственный, и на сегодня хватит: ты вернешься в пансион и ляжешь спать. И это все. Договорились?

Кой ответил, избегая местоимений: «Договорились»; ответил, быть может, несколько рассеянно, однако вполне хладнокровно уяснив поставленные условия. Потом он сел, куда она показала, – на диван с бежевой обивкой, располагавшийся на красивом ковре; в этой гостиной с белыми стенами, на одной из которых висела фотография в рамочке, под ней – комод, в центре, под люстрой, – столик в мавританском стиле, еще – телевизор и видеомэгафон, пара стульев, стол с компьютером возле шкафа, набитого книгами и бумагами, и музыкальный центр – из его динамиков доносился голос Паваротти, а может, и не Паваротти, он пел что-то на манер Карузо. Кой пробежал глазами по книжным корешкам: «Иезуиты и бунт против Эскилаче», «История искусства и науки мореплавания», «Министры Карла III», «Практическое применение исторической картографии», «Mediterranean Spain Pilot»⁵, «Зеркала одной библиотеки», «Мореплаватели и кораблекрушения», «Каталог исторической картографии Испании. Собрание Морского музея», «Лоции средиземноморского побережья Испании»... Были тут романы и другие книги: Айзек Динесен, Лампедуза, Набоков, Лоренс Даррелл – тот самый автор «Александрийского квартета», книжка под названием «Зеленый огонь» некоего Петера В. Райнера, «Зеркало морей» Джозефа Конрада и так далее и тому подобное. Из этих книг Кой не читал ничего, кроме Конрада. Его внимание привлекла книжка на английском, название которой совпадало с названием известного ему фильма: «Мальтийский сокол». На желтом переплете старого потрепанного томика – черный сокол и женская ладонь, на которой лежали монеты и драгоценные камни.

– Это первое издание, – сказала Танжер, заметив, что он разглядывает. – Вышла в Соединенных Штатах в День святого Валентина тысяча девятьсот тридцатого года. Цена – два доллара.

Кой взял книжку в руки. «Дэшиел Хэммет» – значилось на переплете, автор «Проклятия Дейнов».

– Я видел этот фильм.

– Конечно видел. Его все видели. – Танжер повела рукой в сторону шкафа. – Сэм Спейд виноват в том, что я впервые изменила капитану Хаддоку.

На полке, чуть в стороне от всего остального, стояло полное собрание серии «Приключения Тинтина». Рядом с матерчатыми корешками тонких и длинных книжиц он увидел малень-

---

⁵ «Средиземноморский испанский штурман» (англ.).

кий кубок чеканного серебра и почтовую открытку. На ней Кой узнал вид Антверпенского порта с собором в глубине. У кубка не было одной ручки.

– Ты читал это в детстве?

Он все еще смотрел на кубок. «Детские соревнования по плаванию, 19...» Дату прочитать было трудно.

– Нет, – ответил он. – Я знаю про эти книжки, может, даже перелистал одну-другую. Что-то помню про метеорит, который падает в море.

– «Таинственная звезда».

– Наверное.

Квартира не была роскошной, но выглядела на порядок выше среднего. Диванные подушки, обтянутые хорошей кожей, на стене – старинная картина, явно оригинал: писанный маслом пейзаж с рекой и вполне приемлемым парусником – хотя, отметил он, для такой реки и такого ветра парусов надо бы поставить побольше, – со вкусом подобранные шторы на двух окнах, которые выходили на улицу, кухня, откуда она принесла ему тоник и лед, сияла чистой: там он успел заметить микроволновку, холодильник, стол и табуретки темного дерева. Одета женщина была почти так же, как утром, только вместо блузки натянула тонкий хлопковый свитер и сняла туфли. Ноги в черных чулках бесшумно, по-балетному переступали по квартире, и за женщиной всюду следовал лабрадор. «Так двигаться не научишься», – подумал Кой. Сознательно – ни за что. Человек двигается либо так, либо иначе». Женщина садится, разговаривает, ходит, наклоняет голову, прикуривает сигарету так, как она это делает. Чему-то можно научиться, чему-то – нет. Как бы ни хотелось, определенную границу никто не переступит, если это в человеке не заложено. Жесты. Выражение лица. Манеры.

– Ты что-нибудь знаешь про кораблекрушения?

Вопрос сбил его с мысли, и он хрипло хохотнул, не отрываясь от стакана.

– Полного кораблекрушения мне потерпеть пока не довелось, если ты об этом... Но все еще впереди.

Она сдвинула брови. Ирония ей была сейчас ни к чему.

– Я говорю о старинных кораблекрушениях. – Она по-прежнему смотрела ему прямо в глаза. – О давно затонувших кораблях.

Он дотронулся до носа, прежде чем ответить: не слишком много. Кое-что, конечно, читал. И разумеется, знал все эти байки, которые так любят рассказывать моряки.

– Ты когда-нибудь слышал о «Деи Глории»?

Он попытался припомнить. Название корабля звучало знакомо.

– Десятипушечный парусник, – сказала она. – Затонул у юго-восточного побережья Испании четвертого февраля тысяча семьсот шестьдесят седьмого года.

Кой поставил стакан на низенький столик. Воспользовавшись тем, что он переменил позу, собака лизнула ему руку.

– Иди сюда, Зас, – сказала Танжер. – Не приставай.

Пес не сдвинулся с места. Он так и сидел возле Коя и лизал ему руку, и Танжер извинилась. На самом деле это не ее собака, сказала она, а ее подруги, с которой они вместе жили в этой квартире, но месяца два назад из-за работы подруге пришлось уехать в другой город, и теперь она все время в разъездах. Так что Танжер досталась ее доля квартиры и Зас в придачу.

– Не беспокойся, – сказал Кой. – Я люблю собак.

Так оно и было. Особенно охотничьих собак, верных и спокойных. Когда-то в детстве у него был сеттер цвета корицы, который смотрел так же, как Зас, а потом еще один песик – тот поднялся на борт «Даггу IV» в Малаге и жил на судне, пока его не смыло волной на траверзе мыса Бохадор. Кой почесал Заса за ушами, и тот всем телом потянулся к его руке, весело виляя хвостом. Гав.

И тут Танжер начала рассказ о затонувшем корабле.

Бригантина называлась «Деи Глория». Она вышла из Гаваны 1 января 1767 года с двадцатью девятью членами экипажа и двумя пассажирами на борту. В грузовой накладной указывались хлопок, табак и сахар, пункт назначения – порт Валенсия. Хотя официально бригантина принадлежала арматору Луису Форнету Палау, в действительности «Деи Глория» была собственностью ордена Иисуса. Как выяснилось позже, Форнет Палау был у иезуитов подставным лицом, через его посредство они руководили маленькой торговой флотилией: она предназначалась для перевозки пассажиров и торговли, которую орден, в то время чрезвычайно могущественный, вел со своими миссиями и поселениями обращенных в истинную веру индейцев в соответствии со своими интересами в колониях. И «Деи Глория» была лучшим кораблем этой флотилии, быстроходным и хорошо вооруженным, что необходимо из-за постоянных нападений английских и алжирских корсаров. Бригантиной командовал доверенный человек – капитан по имени Хуан Баутиста Элескано. Этот опытный моряк родом из Бискайи состоял с иезуитами в очень тесных отношениях, поскольку его брат, падре Сальвадор Элескано, был одним из главных помощников генерала ордена в Риме.

В первые дни плавания бригантине пришлось бороться с противным ветром, однако вскоре она поймала ветры третьего и четвертого квадрантов, что помогло преодолеть Атлантику с ее бурями и штормами. Когда бригантина находилась к юго-западу от Азорских островов, ветер усилился – и настолько, что скоро начался шторм, повредивший мачты; помпы работали безостановочно. К этому времени «Деи Глория» достигла тридцать пятой параллели и продолжала путь на восток без особых неприятностей. Потом пришлось лавировать в направлении Кадисского залива, с тем чтобы избежать левантинца, дующего из пролива, а второго февраля, не заходя ни в один порт, она уже миновала Гибралтар. На следующий день она обогнула мыс Гата и дальше двигалась на север уже в виду берега.

С этого времени положение стало усложняться. Днем третьего февраля с кормы бригантин был замечен парус. Пользуясь юго-западным ветром, неизвестное судно быстро приближалось, и скоро стало видно, что их догоняет шебека. «Деи Глория» шла под одним только кливером, но шебека, находившаяся уже в одной миле, показалась капитану подозрительной, и он приказал добавить парусов. Шебека спустила испанский флаг, тем самым продемонстрировав, что является корсаром, и стала открыто преследовать бригантину. Это было алжирское судно: в этих водах часто случалось, что алжирцы меняли флаг, под которым ходили, и использовали Гибралтар как свою базу. Позднее удалось установить, что шебека называлась «Черги», а командовал ею бывший офицер Британского флота – некий Слайн, известный также как капитан Майзен или Мисиан.

В этих водах пиратское судно имело тройное преимущество. С одной стороны, ход у него был быстрее: из-за повреждений мачт и такелажа бригантина не могла развить большой скорости. Кроме того, корсару благоприятствовал ветер, позволявший шебеке заходить с подветренной стороны и отжимать бригантину от берега. Но главное, он во всем превосходил «Деи Глорию»: это был настоящий военный корабль, его многочисленный экипаж состоял из военных моряков, и пушек на его борту находилось по меньшей мере двенадцать против десяти на бригантине, которые к тому же были меньшего калибра, и стрелять из них пришлось бы торговым морякам. Однако погоня продолжалась весь остаток дня и всю ночь. Вероятно, не имея возможности искать убежища в Агилас, от которого шебека отрезала бригантину, капитан решил идти в залив Масаррон или Картахену, чтобы оказаться под защитой артиллерии тамошних фортов, если им не повезет раньше и они не встретят испанский военный корабль, который придет им на помощь. Но к утру, когда бригантина потеряла одну стеньгу, а пиратское судно находилось в непосредственной близости, у нее оставалось всего две возможности: либо спустить флаг, либо вступить в бой.

Капитан Элескано был настоящий моряк. Он не сдался, и «Деи Глория» открыла огонь, как только корсары приблизились на расстояние выстрела. Артиллерийская дуэль состоя-

лась в нескольких милях юго-западнее мыса Тиньосо, была краткой и ожесточенной, корабли сошлись почти борт к борту, и экипаж бригантины – торговые моряки – сражался мужественно. Один удачный выстрел поджег «Черги», но «Деи Глория» потеряла фок-мачту, и корсар пошел на abordaj. Его пушки сильно повредили бригантину, вода в трюмах прибывала, а сделать ничего уже было нельзя: экипаж понес большие потери. И тут, по одной из тех случайностей, какие бывают только в море, на «Черги» что-то взорвалось, и она взлетела на воздух в то самое время, когда ее люди уже изготовились цеплять бригантину abordажными крюками. Все они погибли сразу же, но взрывом снесло последнюю мачту на «Деи Глории», и она стала еще быстрее погружаться в воду. На поверхности моря еще дымились обломки шебеки, когда «Деи Глория» камнем пошла на дно.

– Камнем, – повторила Танжер.

Всю эту историю она рассказала очень точно, без отступлений и риторических излишеств. А интонации, подумал Кой, были такие же нейтральные, как у ведущих теленовостей. От его внимания не укрылось, что она уверенно придерживалась нити рассказа, не колеблясь излагала детали, не сомневалась в датах. Даже описание погони за «Деи Глорией» она сделала технически правильно. Из этого следовало, что, каковы бы ни были ее мотивы, урок свой она выучила хорошо.

– Из корсаров никто не спасся, – заговорила она снова. – Что же до «Деи Глории», то вода была холодной, а берег далеко. До шлюпки, спущенной на воду перед боем, добрался только пятнадцатилетний юнга. Он дрейфовал, ветром и течением его сносило на юго-восток, и через день его подобрала в пяти-шести милях от Картахены.

Она умолкла, потянувшись за пачкой «Моряка» – тех же сигарет, что курила в Барселоне. Кой смотрел, как аккуратно она открывает пачку, как берет в рот сигарету. Она предложила закурить и ему, но он отказался.

– Когда его доставили в Картахену... – Танжер наклонилась и прикурила от спички, которую прикрыла, словно от ветра, – он рассказал о случившемся морским властям. Сообщил не так уж много – его потрясли события, бой и кораблекрушение. А на следующий день, когда мальчик должен был снова отвечать на вопросы, он исчез... Но как бы то ни было, ключевые сведения, которые позволяют разобраться в происшедшем, он дал. Кроме того, сообщил координаты того места, где затонула «Деи Глория»: капитан приказал определить их на рассвете, а мальчику было поручено их записать. У него в кармане даже сохранилась бумажка, на которой он карандашом отметил долготу и широту... Еще он сказал, что после того, как «Деи Глория» вошла в прибрежные испанские воды, штурман для своих расчетов пользовался картами Уррутии.

Танжер снова умолкла, выпуская дым. Одной рукой она подпирала локоть другой – той, в которой держала сигарету. Она молчала, словно хотела дать Коя время, чтобы он успел сообразить, в чем суть последнего ее замечания, сделанного таким же безразличным тоном, каким она рассказывала и все остальное. Он только дотронулся до своего носа, но промолчал. «Так вот что стоит, – думал он, – за всей этой историей: затонувший корабль и карта». Он потрянул головой и чуть не расхохотался во все горло, и вовсе не от недоверия – во всех подобных историях могло быть столько же истины, сколько и выдумки, причем одно совершенно не исключало другого, – а просто от удовольствия, вполне понятного и естественного. Он чуть ли не физически ощущал это – море, атлас, тайна. Красивая женщина как бы между делом рассказывает, а он сидит напротив и слушает. И какая ему разница, верит она или не верит в историю «Деи Глории». Ему важно другое – то чувство, что грело его изнутри: эта женщина словно приподняла краешек занавеса над пустотой, где проглянуло нечто от единственной в своем роде субстанции, из которой ткуются сновидения. Возможно, это имело какое-то отношение к ней и к ее намерениям, а о них он ничего не знал, но в первую очередь это имело отношение к нему самому. К тому, из-за чего некоторые люди делают сначала один шаг, потом другой, третий

и идут по дороге, ведущей к морю, выходят к нему и, погруженные в мечты о том, как бы оказаться за линией горизонта, перебираются из одного порта в другой. Поэтому Кой только молча улыбнулся и заметил, как Танжер слегка прищурилась, будто ей попал в глаза дым от сигареты, однако он понимал, что его улыбка несколько сбивает ее с толку. Он не был ни большим интеллектуалом, ни опытным соблазнителем, ему не хватало нужных слов. А еще он отдавал себе отчет, насколько неприглядны его внешность, грубые руки и неотесанные манеры. Но вот встать бы сейчас, подойти к ней, дотронуться до ее лица, поцеловать ее глаза, губы, руки... Да только он знал, что истолковано это будет наихудшим для него образом. Уложить бы ее на ковер и шепотом, на ухо поблагодарить за то, что сумела заставить его улыбнуться так, как улыбался он в детстве. За то, что она так красива и так обворожила его. И напомнила ему, что всегда есть какой-нибудь затонувший корабль, остров, убежище, приключение, какое-то место за морем на той размытой линии, где сны сливаются с горизонтом.

– Утром, – заговорила она снова, – ты сказал, что хорошо знаешь это побережье... Это правда?

Она сидела и вопросительно смотрела на него, не шевелясь, по-прежнему подпирая локоть одной руки другой и держа сигарету в пальцах. «Интересно, – подумал он, – как делают эту стрижку, такую асимметричную и такую совершенную. Как же, черт возьми, это делается?»

– Это первый из твоих трех вопросов?

– Да.

Он слегка вскинул плечи:

– Конечно правда. В детстве я там плавал, а потом сотни раз на чем только там не ходил – и вдоль самого берега, и в открытом море.

– Ты умеешь определять координаты по старинным картам?

Практичная. Вот точное слово. Она была практичной женщиной, все у нее по полочкам разложено. «Можно подумать, – слегка забавляясь, решил он, – что меня на работу нанимают».

– Если ты имеешь в виду карты Уррутии, то у него погрешность в одну минуту по широте означает ошибку в одну милю... – Он поднял руку перед собой, словно показывая по воображаемой карте. – В море всегда все относительно, но попробовать бы я мог.

И он погрузился в размышления. Ну вот, кое-что начинает проясняться. Зас снова лизнул руку, которую Кой протянул за стаканом, стоявшим на столике.

– В конце концов... – он отхлебнул тоника, – это моя профессия.

Она сидела, положив ногу на ногу, и покачивала ступней, затянутой в черный чулок. Склонив голову набок, смотрела на Коя: это означало, как Кой уже знал, что она что-то обдумывает или рассчитывает.

– Поработаешь на нас? – Она по-прежнему пристально смотрела на него сквозь дым своей сигареты. – Мы тебе заплатим, разумеется.

Несколько секунд он сидел с открытым ртом.

– Ты имеешь в виду: на тебя и на твой музей?

– Вот именно.

Он отставил стакан, закрыл рот, взглянул в преданные глаза Заса, оглядел комнату. Внизу, на улице, за автозаправочной станцией «Репсоль» и вокзалом Аточа, виднелась сложная вязь железнодорожных рельсов, освещенных лишь пятнами.

– Похоже, тебя это не очень привлекает, – прошептала она и презрительно улыбнулась. – Жаль...

Она наклонилась, чтобы стряхнуть пепел с сигареты, и свитер натянулся. «Господи, – подумал Кой. – На нее почти больно смотреть».

– Да нет, – сказал он. – Ты меня просто ошарашила. – И он скривил губы. – Вряд ли твой капитан второго ранга, твой шеф...

– Это мое дело, – перебила она. – Я могу сама подбирать сотрудников.

– Знаешь, на военно-морском флоте, наверное, достаточно компетентных людей, не сажавших свое судно на мель...

Она посмотрела на него долгим взглядом, и он сказал себе: «Все, приехали, дружище. Поднимайся и застегивай тужурку, не то дама выставит тебя пинками. Ты этого заслуживаешь – за свое остроумие и длинный язык. За то, что ненормальный и вообще дурак».

– Послушай, Кой... – Она впервые произнесла его имя, глядя ему в глаза. – У меня есть одна проблема. Я провела исследование, я владею теорией и необходимыми сведениями... Но чтобы реализовать это, мне нужно кое-что еще. Море я знаю по книгам, кино, пляжам... По моей работе. Конечно, есть и книги; читая их, как бы переживаешь шторм в открытом море или стоишь рядом с Нельсоном в битве при Абу-Кире или Трафальгаре... Но мне нужен еще кто-то... Кто окажет мне практическую поддержку. Обеспечит, так сказать, связь с реальностью.

– Это я прекрасно понимаю. Но все это тебе может предоставить Министерство военно-морского флота. Почему бы тебе не попросить их?

– Я и прошу. Тебя. Ты – не военный. Ты один. – Она оценивающе оглядела его сквозь голубые спирали табачного дыма. – С тобой мне будет во всех отношениях проще. Если я тебя найму, я и буду тебя контролировать... Я буду твоим начальником. Понимаешь?

– Понимаю.

– С военными это не пройдет.

Тут Кою нечего было возразить. Тут все ясно. Нашивок на рукаве у нее нет, и каждые двадцать восемь дней приходят месячные. Он был уверен, что у нее все происходит именно так, ни днем раньше, ни днем позже. Хорошо отлаженный механизм. Стоит посмотреть на нее, и сразу понимаешь, что у нее дважды два – всегда четыре.

– Да уж, – сказал он. – Отчитываться, разумеется, будут не они, а ты перед ними.

– Вот именно. А так я располагаю свободой действий, сроком в три месяца и некоторой суммой денег... Их немного, но должно хватить.

Кой опять взглянул в окно. Внизу к платформе подползала светящаяся змея поезда с яркими окошками. Он думал о капитане второго ранга, о том, как Танжер смотрела на своего начальника – так же, как смотрит на него, – о том, как она, умело владея оружием взглядов и мгновений безмолвия, убеждала его представить проект адмиралу. Очень интересный проект, дон Такой-то. В высшей степени компетентная молодая особа. К тому же дочь полковника. Красивая девушка, кстати сказать. В общем, она из наших. Кой спрашивал себя, какой еще выпускнице исторического факультета, прошедшей по конкурсу в музей, давали карт-бланш на поиски затонувшего корабля просто так, за красивые глаза.

– Почему бы и нет, – сказал он наконец. Откинулся на спинку дивана и снова почесал Заса за ушами. Ситуация его забавляла, и он улыбнулся. Как бы то ни было, три месяца рядом с ней – прекрасная плата за секстант «Вимс энд Плат». – А потом, – добавил он, словно размышляя, – делать-то мне все равно нечего.

Танжер не выказала ни удовлетворения, ни разочарования. Только наклонила голову, как делала уже не раз, и волосы опять коснулись ее лица. Она не сводила с Коя глаз.

– Спасибо.

Это слово прозвучало, когда он уже совсем было собрался спросить, почему она ничего не говорит.

– Не за что. – Кой потер нос. – А теперь моя очередь. Ты мне обещала ответить на один вопрос... Что именно вы ищете?

– Ты же знаешь. Мы ищем «Деи Глорию».

– Это понятно. Я спрашиваю – зачем? Тебе это зачем?

– Мне лично? Не учитывая интересы музея?

– Да. Не учитывая интересы музея.

Свет косо падал на ее веснушчатое лицо и высвечивал линии плававших в комнате завитков дыма от почти догоревшей сигареты. Игра света и тени придавала ее волосам оттенок темного золота.

– Этот корабль преследует меня уже давно. А теперь я, видимо, знаю, где он находится.

Так вот оно что. Кой чуть не хлопнул себя по лбу, как бы признаваясь в собственной глупости. Он посмотрел на фотографию в рамочке: Танжер – девочка-подросток, светлые волосы, веснушки, майка, едва доходящая до смуглых голых бедер, – прижалась к груди пожилого мужчины – белая рубашка, короткая стрижка, бронзовая от солнца кожа. Лет пятьдесят, прикинул Кой. А ей – лет четырнадцать. Они сняты у моря, и между девочкой и мужчиной определенно есть сходство: один и тот же лоб и волевой подбородок. Танжер улыбается в объектив, и глаза ее на фотографии куда более ясные и сияющие, чем теперь. Она словно в ожидании – подарка, открытия, сюрприза. Кой вспомнил: ЗУУ – Закон убывающей улыбки. Наверное, в жизни так улыбаются только в четырнадцать, а потом возраст замораживает губы.

– Стоп. Никаких затонувших сокровищ уже не бывает.

– Ты ошибаешься. – Она сурово взглянула на него. – Еще бывают.

Чтобы убедить его, она заговорила об охотниках за сокровищами. Эти-то есть на самом деле – носятся со своими тайнами и старинными картами, рыщут в поисках сокровитного на дне морском. Роятся в кипах старых документов в севильском Архиве Индий, бродят по музеям и портам с таким видом, словно попали туда случайно, пытаются что-то выведать, не возбуждая подозрений и не выдав никому своих замыслов. Она сама знает таких: они заходят в дом номер пять на Пасео-дель-Прадо в поисках необходимых сведений, стараясь при этом скрыть свои намерения; просят показать им какие-нибудь архивные материалы или старинные карты, напуская дымовую завесу ложной информации, чтобы не обнаружить своих истинных целей. Один из них, очень симпатичный итальянец, даже стал ухаживать за приятельницей и коллегой Танжер – таким способом он хотел добраться до тех материалов, которые посетителям не выдают. Это люди необычные, интересные, авантюристы особого рода, мечтатели и честолюбцы. В большинстве своем они кажутся книжными червями, этакие толстячки-очкарики, и совсем не похожи на мускулистых, загорелых, покрытых татуировками героев кинофильмов и телерепортажей. Девять из десяти гоняются за несбыточными мечтами, и только одному из тысячи удается добиться своего.

Кой погладил Заса, глядя в его преданные глаза. Гав-гав. Рукой он ощутил его благодарный вздох. Влажное дыхание.

– Если ты мне сказала правду, на борту бригантины никаких сокровищ не было. Ты говорила про хлопок, табак и сахар.

– Это правда.

– А сейчас ты сказала насчет одного из тысячи, так?

Она кивнула, почти скрывшись за завесой сигаретного дыма. Еще раз затянулась и снова кивнула. Сейчас она смотрела сквозь Коя, так, словно его тут не было.

– Послушай... Кроме груза, на борту «Деи Глории» была тайна. Эти два пассажира, нападение корсаров... Понимаешь? Есть и кое-что еще. В архивах военно-морского флота я читала отчет того юнги... Там не все сходится... А потом, это его внезапное исчезновение. Просто взял и испарился.

Она потушила окурок, придавливая его в пепельнице, пока не погас самый последний крошечный уголек. «Упорная девочка, – подумал Кой. – Не будь она упорной, не влезла бы так глубоко в это дело, и не было бы у нее такого лица – игрок в покер, да и только, – и не тушила бы она окурки с таким старанием, с каким ликвидируют только заклятых врагов. Она прекрасно знает, чего хочет. А я, к счастью или к несчастью, оказался у нее на пути».

– Есть сокровища, – сказала она, – которые деньгами не измеряются.

Кой бросил взгляд в окно, вдаль – на пятнистые железнодорожные пути, а потом вниз – на автозаправочную станцию, которая располагалась напротив, как раз посередине между подъездом ее дома и вокзалом. Перед бензоколонкой стоял какой-то мужчина и смотрел вверх, хотя с высоты шестого этажа определить точно было нельзя. И все-таки что-то в его повадке или внешности показалось Коя знакомым.

– Ты кого-то ждешь?

Танжер удивленно взглянула на него, ничего не ответила, потом встала и подошла. Она внимательно смотрела не в окно, а на Коя и, только оказавшись совсем близко, устремила взгляд вниз. Волосы метнулись вперед, закрыв ее лицо. Машинально она подняла руку и отвела их, и Кой загляделся на ее освещенный уличными фонарями профиль, которому сломанный нос придавал жесткое выражение. Видимо, ее что-то тревожило.

– Этот человек торчит здесь уже некоторое время.

Танжер смотрела вниз и ни слова не ответила. Задержала дыхание, а потом резко выдохнула – словно пожаловалась или отмахнулась. Лицо ее помрачнело.

– Ты его знаешь?

Непробиваемое молчание. Сфинкс, венецианская – нет, ацтекская маска. Нема, как призраки «Черги» и «Деи Глории».

– Кто был тот, с седой косицей? Почему вы ссорились тогда, в Барселоне?

Зас поглядывал то на Коя, то на нее и удовлетворенно помахивал хвостом. Танжер несколько секунд молчала, словно не слышала вопроса. Она положила руку на оконное стекло, оставляя отпечаток своей ладони. Женщина стояла совсем рядом, и Кой снова почувствовал запах ее чистой нежной кожи. В джинсах, ближе к левому переднему карману, он ощутил теплоту и легкое неудобство. Он представил, что она стоит у окна – обнаженная, в свете уличных фонарей. Представил, как снимает с нее одежду, поворачивает ее к себе и она ему это позволяет. Вот он берет ее на руки и несет на диван или на кровать, которая наверняка стоит в соседней комнате, а Зас на пороге ласково помахивает хвостом. Кой представил, что окончательно сошел с ума и следует за нею до маяка на краю света, через бури и кораблекрушения, и ей он нужен не только для практических целей. Он представил все это и многое другое как последовательность отдельных кадров, смонтированных вместе: они быстро, горячо и отчаянно мелькали в его воображении, – и тут вдруг сообразил, что она смотрит на него и выражение глаз у нее точно такое же, как у той женщины на яхте вблизи Венеции, когда он следил за ней в бинокль и, забыв о расстоянии, разделявшем их, решил, что она читает его мысли.

– Я обещала тебе ответить только на один вопрос, – сказала она наконец, – а их на сегодня было больше чем достаточно... Остальные подождут.

«Я хочу спать с этой женщиной, – думал он, прыгая вниз по лестнице через ступеньку». Я хочу спать с ней не один раз, а много, бесконечное число раз. Я хочу пересчитать все ее золотистые веснушки пальцами и языком, потом положить ее на спину, нежно раздвинуть ноги, и войти в нее, и целовать ее все это время. Целовать медленно, не спеша, не задыхаясь, чтобы, подобно морю, что сглаживает очертания скал, смягчить те ее суровые черты, из-за которых она иной раз кажется такой далекой. Я хочу зажечь искры света и удивления в ее темно-синих глазах, хочу изменить ритм ее дыхания, вызвать сердцебиение и сладкие судороги плоти. И как терпеливый охотник, чутко поджидать в сумраке, когда наступит то мгновение, сотканное из мимолетной краткости и поглощенности собой, когда женщина полностью погружается в себя и на лице ее появляется выражение, присущее всем женщинам, рожденным и еще не рожденным».

В таком состоянии духа Кой за полночь вышел на улицу, загоняя свое возбуждение в его холодное одинокое гнездо. И потому не было ничего странного, что он не свернул сразу же за угол и не направился по тому же тротуару к себе, а посмотрел в обе стороны Пасео Инфанты Исабель, перешел дорогу на красный свет и двинулся направо, туда, где рядом с

одной из освещенных колонок автозаправки по-прежнему стоял тот человек. И характером, и всей повадкой Кой вовсе не казался заядлым драчуном. В те счастливые времена, когда ему было откуда сходить на сушу, даже в самых лихих вылазках он ограничивался ролью невольного участника, статиста и надежного товарища – из тех, кто, выпивая с друзьями, держа стакан в руке и чувствуя, что обстановка накаляется, каша вот-вот заварится, – эй, срочное погружение! – все-таки через несколько мгновений уже раздает и получает удары, ни сном ни духом не ведая отчего и почему. Чаще всего такое случалось во времена «экипажа Сандерса» и Торпедиста Тукумана, тогда Кой возвращался на судно с фонарем чуть ли не каждый раз, как сходил на берег, и бывало это в холодные предрассветные часы, когда, подняв воротник, они вышагивали по мокрому пирсу, на котором поблескивали желтые отражения фонарей; они шли мимо портовых кранов и темных силуэтов кораблей, они – трое, четверо, десятеро мужчин, сонных, покачиваясь на ходу, а иногда им еще приходилось волочить на себе приятеля, уже не стоявшего на ногах, и позади всегда плелся кто-нибудь из компании, набравшийся до состояния, близкого к алкогольной коме: потеряв ориентацию в пространстве, он выписывал опасные выражи вокруг причальных тумб, у самой воды. «Экипаж Сандерса». Иэн Сандерс был художник, рисовал юмористические картинки для морского календаря «Сигма», и главными персонажами у него были моряки одного экипажа – пьяницы, гуляки и драчуны. Они яростно ненавидели своего капитана, такого маленького тирана с большими усами; эта бравая команда попадала в аварии, драки и кораблекрушения во всех морях и всех борделях мира. А их собственный, не календарный «экипаж Сандерса» состоял из Коя, галисийца Ньейры и стармеха Горостиолы по прозвищу Торпедист Тукуман в те времена, когда все трое ходили на судах парохозяйства «Зоелайн» между Центральной Америкой и Северной Европой, и под этим собирательным именем их знали как в тропических ритмах всех якорных стоянок и всех портов Карибского моря, так и в морозном ознобе Нью-Йорка, Гамбурга и Роттердама, где ледяной ветер гулял по палубам и по мостику и уже не была видна ртуть термометра. Эта троица была основным, штатным «экипажем Сандерса», но к нему всегда «приписывался» кто-нибудь из портовых. Ньейра был двух метров ростом и девяноста пяти килограммов весом, Торпедист – на несколько сантиметров ниже и на несколько килограммов больше. Это приносило не только пользу, но и спокойствие духа, особенно в таких местах, как Панама, где моряков, выходивших на берег, предупреждали, чтобы они не шли дальше беспешинного магазинчика в конце причала, поскольку там их уже поджидали навахи и пистолеты. Кой казался карликом, когда шагал меж двух этих бесноватых великанов: руки – двадцатидюймовые канаты, кулаки – пропеллеры и явная склонность после пятой порции виски крушить все что ни попадя – бутылки, бары и физиономии. Где они проходили – с Коем на буксире, – не оставалось ничего живого. Как в том баре в Копенгагене, где было полно белобрых мужчин и белобрых женщин, которые в конце концов тоже оказались белобрыми мужчинами, и где Торпедист Тукуман рассвирепел, когда, запустив лапу куда не положено, обнаружил добрых полкило того, чего обнаружить не ожидал; после нескольких минут драки Торпедист с Ньейрой подхватили Коя за руки каждый со своей стороны и ударились бежать, держа курс на порт, на свое судно, а Коя – на весу, причем за ними гналось человек шесть полицейских – разумеется, белобрых. «Клянусь, я думал, это баба», – снова и снова повторял Торпедист, задыхаясь – фух-фух – на бегу, а Ньейра с другой стороны ржал над этой историей, да и Кой не мог удержаться от хохота, несмотря на разбитую губу, а Торпедист уязвленно поглядывал на него искоса. И не вздумайте рассказывать об этом, ясно? Не вздумайте... кхе-кхе. Козлы.

А сейчас перед ним был этот тип у бензоколонки – он не двигался, только смотрел, как Кой приближается к нему. Кой шел, засунув руки в карманы; он чувствовал прилив внутренней энергии, ту жизненную силу, которая заставляет говорить громко, петь во все горло и – с «экипажем Сандерса» или в одиночку – драться. Он был влюблен, как мальчишка, как щенок, и понимал это, однако это его не тревожило, наоборот – возбуждало. С его точки зрения, моряки

Одиссея, затыкавшие себе уши воском, чтобы не слышать пения сирен, не могли даже понять, что теряли. В конце концов, по старой поговорке, моряку без моря нужно или снова море, или новая любовь. Предлог не хуже любого другого. В нынешнем его приключении, или как там это назвать, было «два в одном»: корабль, пусть и затонувший, и женщина. А что до последствий предпринятых шагов, действий и конфликтов, к которым неизбежно его приведут затонувший корабль, женщина и то состояние духа, в каком он находился, то сейчас – если перевести мысли в слова – его это волновало не больше, чем прошлогодний снег.

Итак, он двинулся к автозаправке, прямо к тому типу, что стоял в карауле у колонки, и чем ближе подходил, тем больше чувствовал уверенность, которую испытывал, глядя на него из окна. Он уже подошел почти вплотную, тип поглядывал на него с явной опаской, и тут у Коя сошлись концы с концами: он вспомнил аукцион, коротышку, того самого, которого, как ему показалось, он видел под аркадами Пласа-Реаль: сейчас, вне всяких сомнений, субъект снова оказался перед ним в своем нелепом англоманском одеянии, словно приоделся для некоей пародии на утреннюю охоту в графстве Сассекс. Нелепость подчеркивалась его малым ростом и лицом – Кой хорошо его запомнил: глубокая меланхолия в лягушачьих глазах. Английская упаковка противоречила южному облику: очень черные глаза и усы черные как смоль. Волосы, блестящие на висках, и смуглая, а не просто загорелая кожа.

– Какого дьявола тебе надо?

Кой немного отодвинулся, руки и все тело напряглись – он уже не раз видел, как такие недомерки подпрыгивали и впивались зубами в здоровых как шкафы амбалов или выхватывали наваху и всаживали ее в бедро прежде, чем ты успеваешь охнуть. Правда, этот вроде не такой, – во всяком случае, так казалось; может, потому, что одет он как бы парадно, но гротескно – какая-то смесь из Денни Де Вито и Питера Лорре, только что одевшихся у «Барбура» для пешей экскурсии по Туманному Альбиону в дождливый день.

– В чем дело?

На лице недомерка появилась знакомая меланхолическая улыбка. Кой отметил легкий latinoамериканский акцент. Аргентинец, наверное. Или уругваец.

– Одна встреча может быть случайностью, – сказал он. – Две встречи – совпадение. А три – это уже слишком.

Тот словно бы обдумывал услышанное. Кой заметил, что на субъекте – идеально завязанный галстук-бабочка, а коричневые туфли безупречно начищены.

– Я не понимаю, о чем вы говорите, – произнес коротышка наконец.

И улыбнулся чуть шире. Вежливо и словно бы огорченно. У него было хорошее лицо, дружелюбное, а усы придавали ему вид прямо-таки старомодный. Его глаза навывкате тоже улыбались, глядя прямо на Коя.

– Я говорю, что мне осточертело всюду на тебя натекать.

– Могу только повторить, что не понимаю, о чем идет речь. – Человечек продолжал смотреть на Коя с полной уверенностью в себе. – Однако в любом случае ежели я вас чем-то беспокоил, то, поверьте, я об этом весьма сожалею.

– Ты будешь сожалеть куда больше, если не скажешь, чего ты ко мне прицепился.

Коротышка вскинул брови, словно его удивили слова Коя. Угроза явно огорчила его. «Как это некрасиво, – говорило его лицо. – Ты же хороший парень, тебе не пристало производить такие вещи».

– Наши переговоры впереди, – сказал он.

– Что ты мелешь?

– Я хочу сказать, уважаемый кабальеро, что не стоит переходить границы.

Он произнес «кабачеро» – «че» вместо мягкого «эль». «Он водит меня за нос, – подумал Кой. – И смеется надо мной прямо в лицо». Одно мгновение он поколебался, не стоит ли заехать недомерку в рожу, прямо сейчас, или затолкать в темный угол и вывернуть карманы,

чтобы понять, кто он такой, это дерьмо липучее. Кой уже почти решился, когда увидел, что из своей будки вышел служащий бензоколонки и с любопытством за ними наблюдает. Встревать или не стоит? Устрою скандал, мы сцепимся, а потом уже ничего не склеишь. Кой посмотрел наверх, на окна последнего этажа. Света в них не было. Либо она притворилась, что не поняла, либо стоит у окна и наблюдает за ними в темноте. Кой в растерянности почесал нос. Идиотское положение. Коротышка тем временем подошел к краю тротуара и остановил такси. Сделал следующий ход, как пешка на шахматной доске.

Кой постоял немного у бензоколонки, глядя на темные окна шестого этажа. «Кажется, меня классно подставили, – думал он. – Разыграли как по писаному, устроили корриду на арене, с пикадорами и публикой, а я им вместо быка. Дал себя одурачить, как пьяный матрос в порту». Он представлял себе, как она стоит там, наверху, и смотрит на него, но не видел за окном ни малейшего движения. Постоял еще немного, задрав голову, – он был уверен, что она его видит, и отказался от мысли вернуться и потребовать объяснений. Шлепнуть бы ее пару раз как следует. И сразу же: я тебе сейчас все объясню, и еще – я тебя люблю. Потом слезы и пудра. Прости, что держала тебя за дурака, и так далее и тому подобное.

Он моргнул, приходя в себя на середине вдоха, больше похожего на всхлип. «Для такого наверняка существуют правила, – предположил он. – Правила, которых я не знаю, а она знает. Или сама их устанавливает». И может, по этим правилам как раз сейчас решается, будет ли он продвигаться дальше, либо с ним сейчас распрощаются: или – всего наилучшего, уходя, гасите свет, или – не говори потом, моряк, что тебя не предупреждали. С тобой еще по-хорошему обошлись. Но вопрос – предупреждали о чем? о ком?

В полной растерянности он дошел до ближайшей площади, потом медленно побрел вверх по улице Аточа, а после долго сидел в первом попавшемся баре у стойки – там тоже не было голубого джина, – глядя на стакан перед собой и не прикасаясь к нему. То была старая таверна с оцинкованным прилавком, пластиковыми стульями, включенным телевизором и фотографиями футболистов «Райо Вальекано» на стене. В баре – только официант, тщедушный парень с татуировкой на тыльной стороне руки, – он выглядел как-то уж совсем непрезентабельно в своей изгвазданной рубашке, но пол, усыпанный скомканными салфетками и креветочной шелухой, подметал с видом более чем презрительным. Перед Коем висело зеркало с рекламой пива «Сан-Мигель», там же мелом было написано меню заведения, и Кой видел свои глаза как раз между *свининой с помидорами* и *осьминогом с уксусом*, что вряд ли может поднять кому-то настроение. Эти глаза смотрели на него подозрительно, они спрашивали, что он собирается предпринять в ближайшее время.

– Я хочу с ней спать, – сказал он официанту.

– Все хотят, – ответил тот философски, не прекращая мести пол.

Кой кивнул и наконец поднес стакан ко рту. Отхлебнул, снова посмотрел в зеркало и соорудил гримасу.

– Проблема в том, – сказал он, – что она ведет нечистую игру.

– Они всегда так.

– Но она очень хороша. Чертовски.

– Все они такие.

Официант поставил веник в угол, прошел за стойку и взял себе пива. Медленно, не переводя дыхания, выпил с полстакана; Кой внимательно понаблюдал за ним, после чего принялся разглядывать одну за другой фотографии «Райо» и наконец уткнулся в афишу корриды, состоявшейся семь лет назад в Лас-Вентас. Он расстегнул тужурку и сунул руку в карман джинсов. Вытащил несколько монет, разложил их в ряд на стойке и стал играть сам с собой – пытался просунуть еще одну монетку между двумя другими так, чтобы не задеть ни ту, что слева, ни ту, что справа.

– Кажется, я попал в переделку.

На этот раз официант ответил не сразу. Он внимательно рассматривал пивную пену в своем стакане.

– Ну, если она того стоит... – помедлив, сказал он.

– Пока не знаю. – Кой пожал плечами. – Знаю, что есть затонувший корабль... как в кино... и сдается мне, что есть и плохие парни.

Официант впервые посмотрел на него. Казалось, он слегка заинтересовался.

– Опасные?

– Кабы знать...

Они помолчали. Кой продолжал игру, а официант, облокотившись на стойку, допивал пиво. Потом вытащил из-под стойки пачку сигарет и закурил, не предложив Кою. Среди прочего в татуировку на его руке входили четыре синие точки между суставами большого и указательного пальцев – типичная тюремная метка. Парень был молод, так что и срок у него был небольшой. Года два-три. Или четыре-пять.

– И мне кажется, – сказал Кой, – что я не отстану.

Официант медленно наклонил голову и ничего не ответил. Тогда Кой собрал монеты со стойки, оставил две и вышел из бара.

IV. Долгота и широта

...Но на какой же широте и долготе я нахожусь? (Алиса не имела ни малейшего представления, что такое широта и долгота, однако ей нравилось, как солидно звучат эти умные слова.)

Льюис Кэрролл. Алиса в Стране чудес⁶

Зас растянулся по полу, положив голову Кою на ботинок, и лениво шевелил хвостом. В косых лучах солнца, падавших из окна, поблескивала золотистая шерсть лабрадора, а еще циркуль, штурманская линейка и транспортир, которые сегодня утром они купили в магазине Робинсона. Логарифмическая линейка и транспортир – фирмы «Бланделл Харлинг», а циркуль из латуни и нержавеющей стали – «W&HC»; еще Кой попросил два мягких карандаша, ластик, тетрадь в клеточку и последние издания «Описания огней и знаков» и лоции номер два – по Средиземноморскому побережью Испании, – которую выпускает Институт гидрографии морского флота. Танжер Сото оплатила покупки своей кредитной карточкой, и теперь все это лежало на столе в ее гостиной на Пасео Инфанты Исабель. Здесь же лежал атлас Уррутии, открытый на карте номер двенадцать, и Кой вел пальцем по чуть шершавой поверхности плотного, белого, без помарок листа, который пережил двести пятьдесят лет войн, катастроф, пожаров и кораблекрушений. «От горы Копе до башни Орадура, или Эррадора». В съемку входило шестьдесят миль побережья по горизонтали на восток, до мыса Палос, и по вертикали на север, включая соленое озеро Мар-Менор, отделенное от Средиземного моря узкой песчаной косой Ла-Манга. Исключая ошибку, которую Кой заметил с первого взгляда, – мыс Палос на пару минут южнее, чем на самом деле, – карта побережья для своего времени была очень точной: широкий песчаный залив Масаррон на запад от мыса Тиньосо, скалистый берег и бухта Портус на восток, порт Картахена с крестиком, обозначающим опасность, в узкости рядом с островом Эскомбрерас, и снова скалы до Палоса, коварные острова Ормигас с единственной спокойной бухтой Портман – здесь еще не отмечены минные поля, которые много лет спустя закроют ее для кораблей. На этой карте, как и на прочих картах атласа Уррутии, в левом верхнем углу находился красивый картуш: *Преподнесена в дар Его Величеству Королю сиятельным сеньором доном Сеноном де Сомодевилля, маркизом дела Энсенада, составлена сеньором капитаном первого ранга доном Игнасио Уррутия Сальседо*. Помимо даты – год 1751, – картуш содержал еще одно указание: глубины отмечены в морских саженях, одна морская сажень равна двум кастильским варам. Палец остановился на этой строчке, и Кой вопросительно взглянул на Танжер.

– Одна кастильская вара, – сказала она, – равнялась трем так называемым бургосским футам, то есть восьмидесяти трем и пяти десятым сантиметра. Половина того, что вы, моряки, называете морской саженью. Шесть бургосских футов равны испанской морской сажени.

– Морская сажень – метр шестьдесят семь.

– Верно.

Кой кивнул и снова вернулся к карте, разглядывая маленькие циферки, отмечавшие значения глубин рядом с якорными стоянками, мысами и скалами. Теперь у нас есть эхолоты, за полсекунды они дадут все сведения о рельефе морского дна и глубинах, но в середине восемнадцатого века эти данные получали только в результате трудоемких операций с простым лотом – длинной веревкой со свинцовым грузилом. И раз в атласе Уррутии глубины отмечены в морских саженях, надо будет перевести их в метры, чтобы работать с современными испанскими

---

⁶ Перевод Андрея Кононенко.

морскими картами. Каждые две единицы измерения на картах Уррутии соответствовали примерно трем с половиной кабельтовым.

На столе, рядом с карандашами и ластиком, стояли две чашки из-под кофе. Возле них – чистая пепельница и пачка ее английских сигарет. Звучала музыка – что-то старинное, французское или, может быть, итальянское, очень приятная мелодия, навевавшая Кою мысли о парках с геометрически правильно подстриженными деревьями, мраморными фонтанами и дворцами, к которым ведут идеально прямые аллеи. Он смотрел на профиль женщины, склонившейся над картой. «Ей идет», – подумал он. Эта музыка шла ей так же, как шла свободная рубашка цвета хаки, надетая поверх белой трикотажной майки. Мужская рубашка, военная, с большими карманами. В домашней одежде она выглядела не хуже, чем в деловом костюме, джинсы собрались узкими складочками под коленками и на икрах, открывая голые щиколотки – тоже в веснушках, с восторженным изумлением отметил он, – а на ногах у нее были теннисные туфли.

Сосредоточившись, Кой склонился над картой, внимательно изучая сетку долгот и широт. С тех пор как финикийцы стали ходить по Средиземному морю, вся навигационная наука служила тому, чтобы помогать моряку определять свое место на море по карте, поскольку, определив его, можно было задать курс и узнать, какие на нем подстерегают опасности. Карты и всевозможные лоции были всего лишь руководствами, учебниками для практического применения астрономических, географических и хронометрических вычислений, а также их комбинаций, которые позволяли, с возможной для того времени точностью, определить свое «место» в море – широту относительно экватора и долготу относительно нулевого меридиана. Долгота и широта помогали определить положение на гидрографических картах с помощью шкал, образующих боковую рамку карты. Масштабы на современных картах даются в градусах, минутах и десятых долях, причем каждая минута широты равняется одной морской миле, то есть 1852 метрам. Справа и слева на карте отмечены параллели, а между этими цифрами – градусы и минуты широты, сверху и снизу отмечены меридианы, а между ними – градусы и минуты долготы. С помощью штурманской линейки и циркуля находится точка пересечения координат, которая – если расчеты произведены правильно – и является местоположением судна. Определение осложнялось дополнительными факторами: магнитным склонением, морскими течениями и некоторыми другими, требующими дополнительных вычислений. К тому же многое зависело и от того, по каким картам ориентироваться: старинным плоским, на которых параллели и меридианы идут под прямым углом, или сферическим, более отвечающим истинной форме Земли, на которых расстояние между меридианами сужается по мере приближения к полюсам. От Птолемея до Меркатора⁷ путь был долгий и сложный; гидрографические съемки стали совершенными только к концу восемнадцатого века, когда появился морской хронометр и при определении «места» начали использовать «точное время». В древности же «место» устанавливали с помощью астрономических приборов: градштока, октанта и секстанта.

– Где затонула «Деи Глория»?

– Четыре градуса пятьдесят одна минута восточной долготы и тридцать семь градусов тридцать две минуты северной широты.

Свой ответ она сформулировала так, чтобы не называть его ни на «ты», ни по имени. Кой кивнул и склонился еще ниже, отыскивая точку на разложенной карте. Почувствовав, как он двинулся, Зас немного заволновался, приподнял голову, но тут же снова опустил ее Кою на ногу.

⁷ Меркатор (Герард ван Кремер; 1512–1594) – голландский картограф; предложил цилиндрическую равноугольную проекцию карты мира, названную его именем, которая до сих пор используется в морских картах.

– Наверняка они определялись по пеленгу, – сказал Кой. – Это наиболее вероятно, если они шли вдоль берега. Трудно представить, что за ними гонятся, а они с помощью октанта вычисляют высоту солнца... Наша проблема в том, что они определялись по счислению... вычисляешь скорость, курс, дрейф, пройденные мили. Погрешность может оказаться очень значительной. Во времена парусников моряки называли такое определение «воображаемой точкой».

Она смотрела на него. Серьезная, задумчивая. Не упускала ни слова.

– Ты много ходил под парусом?

– Да. Особенно в молодости. Год я был юнгой на «Эстрелья дель Сур», парусной шхуне, которую превратили в учебное судно. Потом много времени провел на «Карпанте» – это парусник одного моего друга... Ну и книжки, конечно. Романы и история.

– Только про море?

– Только про море.

– А земля?

– Мне больше нравится, когда земля у меня в двадцати милях, на «безопасном удалении».

Танжер кивнула, будто эти слова что-то подтверждали.

– Бой состоялся, когда уже рассвело, – сказала она наконец. – Было светло.

– Тогда они почти наверняка определялись по пеленгу. По привязкам. Достаточно пересечения двух линий... Но думаю, ты и сама это знаешь.

– Более или менее, – улыбнулась она неуверенно. – Но никогда не видела, как это делает настоящий моряк.

Кой взял транспортир, квадратик из прозрачной пластмассы, в который была вписана проградуированная окружность, на ней цифрами отмечались каждые десять градусов. Это приспособление дает возможность точно вычислить курс, переведя показания судового компаса на бумажные морские карты.

– Это легко. Находишь мыс или любую другую точку, которую легко опознать. – Он положил на карту ластик, обозначая местонахождение воображаемого судна. – Потом определяешь ее с помощью компаса и получаешь, к примеру, сорок пять градусов. Потом берешь карту и проводишь от этой точки прямую на себя, то есть под двести двадцать пять градусов. Видишь?... Потом берешь еще один пеленг – другой мыс, гору, все, что угодно... Получаешь по компасу триста пятнадцать градусов, значит восстанавливаешь прямую под сто тридцать пять градусов. Где прямые пересекаются, там и находится твое судно. Если привязки четкие, это достаточно надежный метод. А если взять еще и третий пеленг, получится совсем хорошо.

Задумавшись, Танжер наморщила губы. Она смотрела на ластик так внимательно, словно это действительно был корабль, идущий вдоль отпечатанного на бумаге побережья. Кой взял карандаш и проследил им береговую линию.

– Здесь есть берега низкие и песчаные, но главным образом – крутые, с заметными скалами. Много точек, чтобы взять пеленг. Думаю, штурману «Деи Глории» было нетрудно это сделать. Может, он это сделал даже ночью, если светила луна и берег был ясно виден... Но так труднее. В те времена не было таких маяков, как сейчас. В лучшем случае – башня с фонарем. Да и то вряд ли она тут была.

«Конечно не было, – сказал он себе, глядя на карту. – И конечно, в ту ночь с третьего на четвертое февраля не было ни фонаря на башне, ни приметных знаков на берегу, вообще ничего обнадеживающего, кроме, быть может, силуэта берега в лунном свете по бакборту». Все это стояло у него перед глазами: паруса подняты; судно летит вперед, в такelage свистит ветер, вода с шумом вырывается из-под киля, палуба накренилась на штирборт, на море, вздыбленном попутным ветром, – отблески лунного света. Доверенный, надежный человек – у руля, на палубе – вахтенный, напряженно и настороженно он всматривается назад, в темноту. На

борту – ни единого огня, капитан стоит на юте, подняв лицо вверх, к фантасмагорической пирамиде из белого полотна, внимательно прислушивается к тому, как скрипит рангоутное дерево и такелаж, и спрашивает себя, выдержат ли они, да еще после того шторма в Атлантике. Он молчит, чтобы никто из этих людей, которые верят ему, не догадался о его тревоге, но мысленно рассчитывает расстояние, курс, дрейф – с тягостным чувством, поскольку уверен, что ошибочное решение приведет судно и экипаж к катастрофе. Разумеется, он пока не знает своего точного местоположения, и от этого ему еще тревожнее. Кой ясно представил себе, как он посматривает на черную полосу берега всего в двух-трех милях, берега близкого, однако недостижимого и столь же опасного в темноте, как и пушки вражеского корабля; потом капитан и все остальные члены экипажа поворачиваются назад, глядя в ночь, а в этой ночи – иной раз невидимая, иной раз мелькающая неясной тенью – рассекает волны в погоне за ними корсарская шебека. И снова взгляд на берег, в ночь впереди, в море позади, и снова вверх, когда скрипнут мачты или такелаж, отчего замирает сердце у всех этих мужчин, стоящих у вантов с наветренной стороны, как безмолвные черные силуэты. И сам капитан, и все эти люди – кроме одного – завтра в это же время будут мертвы.

– И как ты оцениваешь наши возможности?

Кой поморгал, словно только что вернулся с палубы бригантины. Танжер внимательно смотрела на него и ждала ответа. Было совершенно очевидно, что она эти возможности сотни раз продумала, но хотела услышать от него. Он пожал плечами:

– Первая проблема – в том, что моряки с «Деи Глории» ориентировались по этой карте, а не по нашим современным. А нам надо ориентироваться по современным картам, хотя отталкиваться мы должны от старой. Надо будет выяснить расхождения между нынешними картами и атласом Уррутии. Вычислить точные градусы и так далее. Мы уже знаем, что мыс Палос у Уррутии находится минуты на две южнее. – Он показал на карте карандашом. – Сама видишь, вся береговая линия от мыса Агуа у Уррутии почти горизонтальна, тогда как на самом деле она несколько поднимается к северо-востоку. Посмотри, где Ормига у него и где она на современной карте.

Он взял циркулем расстояние от мыса Палос до ближайшей параллели и поднес циркуль к вертикальной масштабной линейке с левой стороны карты, чтобы получить расстояние в милях. Танжер пристально следила за ним, и рука ее неподвижно лежала на столе, совсем рядом с его рукой. Светлые гладкие волосы снова закрыли ей лицо до самого подбородка.

– Давай посчитаем точно... – Кой записывал карандашом цифры в тетради. – Так... тридцать семь градусов тридцать пять минут у Уррутии дают нам... Да, точно: тридцать семь градусов тридцать восемь минут северной широты. На самом деле это тридцать семь градусов тридцать семь минут и тридцать-сорок секунд. На современной карте секунды – это десятые доли минуты, так что мы имеем тридцать семь градусов тридцать семь с половиной минут. Это означает погрешность в две с половиной мили здесь, у мыса Палос. А у мыса Тиньосо она может составлять всего милю. Эта погрешность весьма существенна, если речь идет о затонувшем корабле. Он может лежать у берега, на глубине двадцати-тридцати метров, где до него легко добраться, а может и далеко, где глубины увеличиваются до ста, двухсот и более метров, а там к нему не только не подобраться – даже определить его местоположение и то не получится.

Он умолк, глядя на нее. По-прежнему наклонив голову, она рассматривала значения глубин, отмеченных на карте. Кою было абсолютно ясно, что Танжер все это прекрасно известно. «Наверное, ей всего лишь необходимо, чтобы кто-нибудь другой еще раз подтвердил ее правоту, – подумал он. – Наверное, она хочет, чтобы ей сказали: это возможно. Остается прежний вопрос: почему я?»

– А ты сможешь спуститься на пятьдесят метров? – спросила она.

– Думаю, да. Я спускался даже немного больше. Но тогда мне было на двадцать лет меньше, чем сейчас. И загвоздка в том, что на такой глубине долго не выдержишь – по крайней мере, с обычным аквалангом... А ты ныряешь с аквалангом?

– Нет. Боюсь до ужаса. И все-таки...

Кой продолжал соображать. Моряк. Плавает с аквалангом. Знает парусное мореходство. Яснее ясного, сказал он себе, что он тут не потому, что ей так уж нравится с ним разговаривать. Не строй иллюзий, парень. Ей твои красивые глаза ни к чему. Даже если предположить, что они хоть когда-то были красивыми.

– Как глубоко ты можешь спуститься?

– Ты позволишь мне спуститься одному? Не будешь следить за мной?

– Я тебе доверяю.

– Вот это меня и удивляет. Что ты мне так доверяешь.

Произнося «я тебе доверяю», она повернулась наконец к нему. «Чертовка, – подумал Кой. – Можно подумать, ночи не спит, обдумывает каждый жест». Он заметил серебряную цепочку, убежавшую в вырез белой майки, к тем выпуклостям, что угадывались под расстегнутой мужской рубашкой. С некоторым трудом он подавил в себе желание потянуть за цепочку и посмотреть, что на ней висит.

– Без специального оборудования профессиональный водолаз довольно спокойно спускается на восемьдесят метров, – объяснил он. – И это большая глубина. Кроме того, если не только спускаешься, но и работаешь под водой, то устаешь и, значит, потребляешь больше воздуха, следовательно, дело усложняется... Нужны смеси и подробные таблицы декомпрессии.

– Глубина там небольшая. По крайней мере, я так думаю.

– Ты делала вычисления?

– В меру своих возможностей.

– Вот почему ты так уверена.

Кой улыбнулся. Эта была всего лишь полуулыбка, но ей, видимо, не понравилось.

– Если бы я была совсем уверена, ты не был бы мне нужен.

Он откинулся на спинку стула. Зас обрадовался, что он переменял позу, поднялся и раза два ласково лизнул ему руку.

– В таком случае, – решил он, – спуститься, может, и удастся. Хотя определить местонахождение – штука сложная, даже с современными картами и глобальной системой определения координат. Найти судно или то, что от него осталось, непросто. И еще труднее, если прошло два с половиной века... Тут играет роль характер морского дна и многое другое. Дерево должно бы сгнить к чертям собачьим, или обломки затянуло грязью. А еще течения, плохая видимость...

Танжер некоторое время назад взяла пачку сигарет, но только вертела ее в пальцах. И смотрела на моряка в бескозырке с надписью «Герой».

– У тебя большой опыт водолаза?

– Да есть немного. Я прошел водолазные курсы военно-морского флота, два лета чистил судовые корпуса проволочной щеткой, не видя ничего дальше собственного носа. На каникулах вместе с Педро Пилото поднимал со дна римские амфоры.

– Кто это – Педро Пилото?

– Хозяин «Карпанты». Друг.

– Сейчас это запрещено.

– Что? Иметь друзей?

– Поднимать со дна римские амфоры.

Она отложила пачку и смотрела на Коя. Ему показалось, что он заметил в ее глазах искру особого интереса.

– Тогда тоже было запрещено, – возразил он. – Но это придавало нашим подвигам азарт. Да потом, ни один жандарм не будет обыскивать тебя после каждого погружения в том порту,

где тебя каждая собака знает. Ты говоришь «привет», он говорит «привет», ты улыбаешься, и полный порядок. В то время морское дно возле Картахены было просто усеяно археологическими редкостями. Мне больше всего нравились горлышки от амфор – они очень красивые – и кувшины... Песок с них я счищал ракеткой для пинг-понга. И нашел их немало – несколько дюжин, наверное.

– И что ты с ними делал?

– Дарил своим девушкам.

Это было не так, точнее – не совсем так. Протащив всю эту археологию под носом у портовых охранников, Кой с Пилото распродавали ее туристам и антикварам, а выручку делили пополам. А про девушек Танжер даже не поинтересовалась, много их было или мало. На самом деле из тех времен Кой с особым удовольствием вспоминал одну – ее звали Эва, она была дочерью американского инженера с нефтеочистительного завода на острове Эскомбрерас. Здоровая, сильная девушка, светловолосая, загорелая, с крепкой спиной виндсерфистки и красивыми бедрами; с Эвой он проводил то лето, когда уже поступил в мореходное училище. Она хохотала от любого пустяка, была покорна и нежна, когда их тела блестели в красных закатных лучах, и они, облепленные песком и солью, предавались любви в укромных, окруженных черными скалами бухтах, где волны лизали им ноги. Довольно долго Кой хранил в пальцах и губах ощущение ее тела, помнил запах соли и йода, морской воды, высыхающей на ее горячей коже. Какое-то время он хранил и фотографию: Эва стоит на берегу в одних трусиках, с мокрыми волосами и пьет, закинув голову, вино из бурдюка, оно красной струйкой, как кровь, стекает между ее маленькими, вызываяще молодыми грудями. В голове у этой настоящей американки, чья историческая память не могла охватить более двух-трех веков, никак не укладывалось, что кусок обожженной глины с ручками, подаренный ей Коем, – изящное горлышко амфоры для масла, датированное первым веком, – два тысячелетия пролежал на дне моря, у самого берега которого они столько раз любили друг друга тем летом.

– Значит, ты хорошо знаешь эти воды, – сказала Танжер.

Это был не вопрос, а размышление вслух. Она, видимо, была довольна, и Кой махнул рукой над картой:

– Да, особенно местами. Главным образом между мысом Тиньосо и мысом Палос. Я даже видел обломки двух затонувших кораблей... Но никогда ничего не слышал о «Деи Глории».

– О «Деи Глории» вообще никто ничего не знает. На то есть несколько причин. Во-первых, у нее на борту было что-то секретное – это подтверждают скудные данные, полученные из показаний юнги, да и само его странное исчезновение. Кроме того – местоположение судна, о котором он сообщил морским властям...

– Разумеется, если оно соответствует действительности.

– Предположим, что соответствует... поскольку другими данными мы не располагаем.

– А если нет?

Танжер вздохнула, подняла брови и откинулась на спинку стула.

– Значит, мы с тобой напрасно теряем время.

На нее словно вдруг накатила усталость, будто после рассуждений Коя она представила себе возможность неудачи. Всего лишь мгновение она смотрела на карту, откинувшись назад, но тут же собралась, твердо положила руку на стол, выставила вперед подбородок и заявила, что существуют и другие причины, по которым затонувшее судно не разыскивали. Местоположение, которое указал юный помощник рулевого, находилось в труднодоступной по тем временам зоне. Потом, когда 1767 год ушел в далекое прошлое и развитие техники уже позволяло погружения такого рода, история «Деи Глории» утонула в покрытых пылью архивных документах, и никто о ней не вспоминал.

– Пока не явилась ты, – дополнил Кой.

– Вот именно. Кто угодно мог найти эти сведения, но нашла их я. Я обнаружила один документ и принялась за работу. А что еще я должна была делать? – Кончиками пальцев она почти любовно погладила изображение моряка на сигаретной пачке. – Это было похоже на мои детские сны. Море, сокровище...

– Ты же говорила, что сокровищ на борту нет.

– И это правда: их там нет. То есть там нет слитков серебра, золотых дублонов, драгоценных камней. Но там есть волшебство тайны... Вот посмотри, я сейчас тебе кое-что покажу.

Сейчас что-то в ней изменилось, она казалась моложе – быть может, потому, что она уж очень решительно направилась к книжным полкам, расстегнутая форменная рубашка развевалась на ходу, а когда она возвращалась к столу с выпусками «Тинтина» в руках – «Секретом Единорога» и «Сокровищем Рэкама Рыжего», – ее глаза так улыбались и сияли яркой синевой.

– В прошлый раз ты мне сказал, что не увлекался «Тинтином», верно?

В ответ на такой странный вопрос Кой только покачал головой и повторил, что нет, не увлекался, разве только совсем немного. Он любил «Остров сокровищ», «Джерри на острове» и другие книжки про морские путешествия – Стивенсона, Жюль Верна, Дефо, Марриета и Джека Лондона, – но все это было до того, как он с головой погрузился в «Моби Дика». Конрад, естественным образом, появился позднее, уже с «Теневой чертой».

– Это правда, что ты читаешь книги только про море?

– Да.

– Честное слово?

– Честное слово. Про море я прочитал все. Или почти все.

– А какая твоя любимая?

– Нет у меня одной-единственной любимой книги. Не бывает таких книг, которые существовали бы сами по себе, отдельно от других. Все книги про море – от «Одиссеи» до последнего романа Патрика О'Брайена – связаны между собой. Это единая библиотека.

– Библиотека Борхеса...

Она улыбнулась, и Кой в ответ просто пожал плечами:

– Не знаю. Борхеса этого я никогда не читал. Но море действительно похоже на библиотеку.

– Про сушу тоже бывают интересные книги.

– Возможно...

По-прежнему прижимая к груди две книжки, она рассмеялась и стала совершенно другой. Она рассмеялась искренне и весело, а потом сказала:

– Йо-хо-хо и пятнадцать человек на сундук мертвеца. – Она сказала это хриплым голосом, как одноногий пират с повязкой на глазу и попугаем на плече; солнечные лучи еще ярче вызолотили ее асимметрично подстриженные волосы, когда она снова села рядом с Коем, открыла книжки и перелистала их страницы.

– Смотри, здесь тоже есть море, – сказала она. – И здесь бывают настоящие приключения. Здесь можно тысячу раз напиться вместе с капитаном Хаддоком – например, про виски «Лох Ломонд» я уже давным-давно все знаю. Я прыгала на Таинственный остров с парашютом, держа в руках зеленый флаг, сорок раз пересекала границу между Сильдавией и Бордурией, клялась усами Плекси-Гласа, плавала на «Карабуджане», «Рамоне», «Спидол стар», «Авроре» и «Сириусе» – клянусь, ты не ходил на таком количестве кораблей, – искала сокровище Рэкама Рыжего, бродила по Луне, когда Эрнандес и Фернандес в ярких костюмах давали свои клоунские номера на арене цирка «Ипарко». И знаешь, Кой, когда я одна, совсем-совсем одна, я закурываю сигарету из пачки с портретом твоего приятеля-моряка, воображаю, как мы любим друг друга с Сэмом Спейдом, как я нахожу одного за другим мальтийских соколов и слушаю, как известная знакомая Тинтина, Бьянка Кастафьоре, поет арию из «Фауста»...

Говоря все это, она выложила на стол две старые книжки, обе с коленкоровыми корешками – один синий, другой зеленый. На обложке одной были изображены Тинтин, Милу и капитан Хаддок в шляпе с плюмажем, позади в море распустил паруса старинный галеон. На второй – Тинтин и Милу обследовали морское дно на подводном аппарате, по форме напоминающем акулу.

– В детстве я копила все деньги, которые мне дарили на праздники, на день рождения, на именины, на Рождество... Настоящий Эбенезер Скрудж...

– Он был моряк?

– Нет. Скопидом.

– Понятия о нем не имею.

– Не важно, – продолжала она. – Я складывала монетку к монетке, потом шла в книжную лавку и выходила оттуда с одной из этих книжек, затаив дыхание, наслаждаясь прикосновением к яркому картонному переплету... А потом, обязательно в одиночестве, открывала книжку, вдыхая запах свежей типографской краски, и уходила в нее с головой, уже читала и рассматривала картинки. Так, потихоньку, я набрала двадцать три выпуска... С тех пор прошло очень много времени, но и сейчас, раскрывая одну из этих книжек, я чувствую запах, которым для меня с самого детства пахнут приключения и жизнь. Эти книжки, вместе с фильмами Джона Форда и Джона Хьюстона, вместе со Справедливым Уильямом, про которого писала Ричмэл Кромптон, отформатировали дискету моего детства.

Она раскрыла «Сокровище Рэкама Рыжего» на сороковой странице. Там была большая иллюстрация, на целую страницу: Тинтин в водолазном скафандре шагает по морскому дну к останкам затонувшего «Единорога».

– Посмотри внимательно, – сказала она. – Эта картинка многое определила в моей жизни.

Кончиком пальца она коснулась картинки с осторожной нежностью, словно боялась смазать краски. Кой смотрел не в книжку, а на нее – она по-прежнему отсутствующе улыбалась, помолодев так, что снова становилась той прижавшейся к отцу девчонкой с фотографии, висевшей в рамочке на стене. «Счастливое лицо, – подумал он. – Такое лицо у человека бывает, только когда счетчик еще стоит на нуле. А еще – этот серебряный чеканный кубок без одной ручки. Детский чемпионат по плаванию. Первое место».

– По-моему, – произнесла она мгновение спустя, по-прежнему не отрывая глаз от книжки, – ты тоже так мечтал когда-то.

– Конечно.

Это он понимал. Пусть у него все было по-другому и не имело ничего общего ни с этими книжками, ни с серебряным кубком, ни с фотографией, ни вообще с чем-либо хранившимся в ее памяти; но все-таки существовала некая точка, некая территория, где он легко понимал ее. И скорее всего, Танжер вовсе не такая уж другая. «Может, – думал Кой, – она такая же, как мы, хотя каждый по определению ходит в море, охотится, сражается и тонет в одиночку. Корабли, проплывающие в ночи. Далекие огни, показавшиеся на мгновение, да и то не по твоему курсу. Или отдаленный звук, шум работающей машины. И снова тишина, и снова тьма, и только отблеск на черной и пустой воде».

– Конечно, – повторил он.

И больше ничего не сказал. Для него этим образом, этой картинкой в книжке памяти был средиземноморский порт с трехтысячелетней историей, окруженный горами и замками с бойницами, из которых некогда глядели пушечные дула. Одни названия чего стоили: форт Навидад, док Курра, маяк Сан-Педро. Запах тихой воды, мокрых канатов и легкий юго-западный бриз, колышутся флаги пришвартованных кораблей и брейд-вымпелы на мачтах рыбацких траулеров. Неподвижные мужчины – праздные пенсионеры – сидят на чугунных причальных тумбах. Сети, растянутые на солнце, ржавые борта торговых кораблей, стоящих у мола; и запах соли, дегтя и моря, древнего, насыщенного историей порта, куда входило множество

кораблей и жизней и откуда они уходили. На этом фоне в памяти Коя возникал и смуглый худой мальчишка с рюкзачком за спиной, набитым школьными учебниками; он прогуливал уроки, чтобы посмотреть на море, пошататься у кораблей, с которых спускались на причал светловолосые мужчины с татуировками, говорившие на непонятных языках. Чтобы поглазеть, как отдают швартовы, которые шлепались в воду, а потом их поднимали на борт, и борт этот удалялся от причальной стенки, корабль разворачивался к выходу из порта, где стояли два маяка, и брал курс в открытое море, уходя путями, на которых не остается иного следа, кроме пены в кильватере, и на которые этот мальчик – он был твердо в этом уверен – обязательно вступит. Вот какой была его мечта, вот тот образ, который определил всю его жизнь, – детская, не по возрасту сильная тоска по морю, путь куда лежал через древние и мудрые порты, населенные призраками, обитающими среди портовых кранов и в тени причальных навесов. Борозды, оставленные канатами на чугуне. Мужчины, всегда спокойные, часами не двигавшиеся с места, для которых леска, удочка или сигарета служили всего лишь предлогом, – казалось, им бы только смотреть и смотреть на море, и больше ничего не надо. Дедушки держат за руку внуков; детишки теребят вопросами, показывают старикам на чайк, а те не могут отвести глаз от пришвартованных кораблей, от линии горизонта там, за маяками, словно ищут что-то потерявшееся в памяти – воспоминание, слово, объяснение того, что много лет назад произошло или почему-то не произошло.

– Люди вообще очень глупы, – говорила Танжер, – мечтают только о том, что им показывают по телику.

Она поставила книжки обратно на полку и уже не садилась. Засунув руки в карманы джинсов, она смотрела на Коя. Сейчас она стала мягче – и глаза, и улыбка. Кой кивнул, сам не понимая зачем. То ли чтобы она продолжала говорить, то ли чтобы показать: он, мол, понимает.

– А все-таки что ты ищешь на «Деи Глории»?

Она медленно подошла к нему, и один короткий миг он был уверен, что она хочет коснуться его лица.

– Не знаю. Честное слово, не знаю. – Она стояла рядом, опершись руками о стол и глядя на морскую карту. – Но когда я прочла показания юнги, написанные сухим бюрократическим языком, я почувствовала... Эта бригантина, пошедшая ко дну с поднятыми парусами... корсарская шебека, преследующая ее... Почему бригантина не укрылась в Агиласе? На лоциях того времени там обозначен замок и башня с двумя пушками на мысе Копе, и там бригантине пришли бы на помощь.

Кой бросил взгляд на карту. Агиласа там не было, он находился юго-западнее мыса Копе.

– Ты сама назвала причину вчера, когда рассказывала мне эту историю, – сказал он. – Возможно, корсарское судно вклинилось между «Деи Глорией» и берегом, так что у бригаантины не было другого выхода, как идти на восток. Мог подняться противный ветер, или капитан побоялся ночью подходить близко к берегу. На это можно найти тысячи причин... Как бы то ни было, судно пошло ко дну в заливе Масаррон. Может быть, они хотели укрыться под защитой башни Асоия. Эта башня до сих пор сохранилась.

Танжер вздернула подбородок. Кой, видимо, ее не убедил.

– Возможно. И при всем том это было торговое судно, однако, оказавшись в безвыходном положении, они ввязались в бой... Почему они не спустили флаг? Неужели капитан был настолько упрям? Или же на борту находилось нечто, чего нельзя было отдать вот так, за здорово живешь? Такое, ради чего стоило пожертвовать жизнями всех членов экипажа и о чем даже не обмолвился единственный спасшийся, еще совсем мальчик?

– А если он этого просто не знал?

– Может быть. Но кто такие эти два пассажира, которые в судовой роли обозначены только инициалами: Н. Э. и Х. Л. Т.?

Кой почесал в затылке – это его поразило.

– У тебя есть судовая роль «Деи Глории»?

– Оригинала нет, а копия есть. Я достала ее в Главном архиве морского флота, в Висо-дель-Маркес. У меня там работает одна хорошая подруга. – Она умолкла, но было ясно, что в голове у нее крутится какая-то мысль. Танжер наморщила губы и больше уже не казалась такой мягкой. Тинтин остался в прошлом. – И еще кое-что... – произнесла она и снова умолкла, словно не собиралась никогда и никому рассказывать об этом. Некоторое время Танжер стояла неподвижно и молча. – Это судно, – сказала она потом, – принадлежало иезуитам. Помнишь, я тебе говорила? Их доверенному лицу, одному арматору из Валенсии по имени Форнет Палау. С другой стороны, Валенсия была портом назначения «Деи Глории»... И все это происходит четвертого февраля тысяча семьсот шестьдесят седьмого года, то есть за два месяца до того, как Карл Третий издал Прагматический закон, по которому предписывалось «удаление иезуитов из испанских пределов и занятие их владений»... Ты понимаешь, что все это значит?

Кой ответил, что он не силен в истории Карла III. Тогда она принялась рассказывать. И делала это прекрасно: говорила немногословно, приводила основные даты и факты, не увлекалась несущественными подробностями. Народный бунт 1766 года в Мадриде против министра Эскилаче, поколебавший испанский трон и инспирированный, по слухам, орденом иезуитов. Борьба этого ордена с идеями Просвещения, овладевавшими всей Европой. Враждебное отношение короля к иезуитам и его стремление избавиться от них. Учреждение тайного комитета под председательством графа де Аранда, который и подготовил указ об изгнании иезуитов, внезапное объявление монаршей воли второго апреля 1767 года, немедленная высылка иезуитов, конфискация их имущества, а позже и запрещение ордена папой Климентом XIV... На таком историческом фоне произошла трагедия «Деи Глории». Разумеется, никаких данных, которые указывали бы на непосредственную связь одного с другим, не существовало. Но Танжер была историком; она привыкла рассматривать и сопоставлять факты, предлагать гипотезы и развивать их. Такая связь могла быть, ее могло и не быть; но как бы то ни было, «Деи Глория» затонула. Во всяком случае, подводя итог, затонувший корабль есть затонувший корабль: «Stat rosa pristina nomine – роза при имени прежнем», – таинственно заметила она. И она знает, где этот корабль затонул.

– И этого достаточно, чтобы предпринять поиски.

Танжер говорила, и лицо у нее становилось все жестче, словно, пока она приводила даты и факты, девчонка, показавшаяся над страницами «Тинтина», куда-то исчезла. Она больше не улыбалась, глаза горели решимостью и уверенностью. Она уже не была девочкой с фотографии. Она снова отдалилась, и Кой рассердился.

– А кто те, другие?

– Какие другие?

– Далматинец с седой косицей. Меланхолический недомерок, который вчера вечером следил за твоим домом. Они не слишком-то похожи на историков. И на иезуитов с Карлом Третьим им глубоко наплевать.

От такой резкости она слегка смешалась. Или просто подыскивала ответ.

– К тебе это не имеет никакого отношения, – произнесла она медленно.

– Ошибаешься.

– Послушай... Если я плачу тебе за работу...

«Какого черта, – сказал он себе. – Тут ты, милочка, делаешь серьезную ошибку. Даже чересчур серьезную. Ты меня разозлила. Сказать такое, когда мы уже так далеко зашли...»

– Платишь? Что ты болтаешь?

Он отлично заметил, что Танжер осеклась, растерялась... Потом подняла руку: мол, успокойся, не кипятись, это действительно чересчур. Давай поговорим спокойно. Но он был вне себя.

– Ты что, и правда думаешь, что я торчу тут, потому что ты собираешься мне платить?

Он возмутился, но не вскочил с места, а сидеть было смешно и нелепо. Поэтому он встал, так резко отодвинув стул, что Зас в недоумении попятился.

– Ты меня не понял, – говорила она. – Правда не понял. Я просто хочу сказать, что эти люди не имеют к этому никакого отношения. Никакого, – еще раз сказала она.

Она вроде бы даже испугалась, словно ожидала, что он сейчас хлопнет дверью и уйдет, а до этой минуты ей даже в голову не приходило, что такое возможно. Это доставило Коя некоторое извращенное удовольствие. В конце концов, пусть даже из практических соображений, но она все-таки боялась, что он исчезнет. Это несколько подбодрило его. Все-таки лучше, чем ничего.

– Имеют. И ты мне это объяснишь сейчас, или тебе придется поискать кого-нибудь другого.

Все это было ужасно, но парадоксальным образом повышало его самооценку. Все очень плохо, они на грани разрыва, а тогда – всему конец, однако назад пути нет.

– Ты шутишь.

– Нет, не шучу.

Он слушал себя, как слушал бы кого-то другого, и этот другой был враг, он хотел все выбросить за борт, убрать Танжер из своей жизни навсегда. Беда Коя была в том, что он не мог уходить в автономное плавание и двигался только на буксире. Когда Торпедист Тукуман начинал разносить все вдребезги, Коя ничего не оставалось, как глубоко вдохнуть, отбить горлышко у бутылки и идти на абордаж.

– Послушай... – сказал он. – Я понимаю, что кажусь тебе простоватым... и ты держишь меня за дурака. И правда – на суше я не многого стою. Обыкновенный тупица. Но ты принимаешь меня уж за полного идиота.

– Ты здесь...

– Ты прекрасно знаешь, почему я здесь. Но дело не в этом; если хочешь, поговорим об этом в другой раз. По правде говоря, я надеюсь, что мы с тобой поговорим об этом спокойно в другой раз. А сейчас я требую, чтобы ты не врала мне и сказала правду.

– Требуешь? – Она посмотрела на него с внезапным презрением. – Не тебе указывать, что я должна делать и чего не должна... Все мужчины, которых я знала, всегда хотели объяснить мне, что я должна и чего не должна.

Она усмехнулась невесело и устало. Кой решил, что это была настоящая европейская усмешка досады. Нечто неуловимое роднило эту усмешку со старыми белеными стенами, потрескавшимися фресками в церквах и женщинами в черном, которые смотрели в море сквозь листья виноградных лоз и олив. Вряд ли какая-нибудь американка могла бы так усмехнуться.

– Я тебе ничего не указываю. Мне только надо знать, чего ты от меня хочешь.

– Я предложила тебе работу...

– О черт! Работу!

Он стоял покачиваясь, опечаленный, будто на палубе корабля, который вот-вот выбросится на берег. Потом взял тужурку и сделал несколько шагов к двери, и Зас весело поспешил за ним. В душе у Коя был лед.

– Работу! – с сарказмом произнес он еще раз.

Она не тронулась с места. Ему показалось, что в глазах ее мелькнул страх. Хотя при таком освещении нельзя быть уверенным.

– Возможно, они думают, – сказала она, тщательно взвешивая каждое слово, – что речь идет о сокровище и тому подобном. Но это не сокровище, а тайна. Тайна, которая, вероятно, в наше время никому не интересна, но для меня она важнее всего. Поэтому я и занимаюсь этим.

– Кто они?

– Не знаю.

Кой подошел к двери. Глаза его на мгновение задержались на чеканном серебряном кубке.

– Приятно было познакомиться.

– Подожди.

Он внимательно посмотрел на нее. Словно игрок с паршивыми картами на руках, который прикидывает, что за расклад у противника.

– Не уходи, – сказала она. – Это полная ерунда.

Кой надел тужурку.

– Возможно. Попробуй докажи.

– Ты мне нужен.

– Безработных моряков и без меня хватает. И водолазов. Среди них немало таких же дураков, как я.

– Мне нужен именно ты.

– Ты знаешь, где я живу.

Он медленно открыл дверь. В душе у него была смерть. Все то время, которое потребовалось, чтобы закрыть дверь, он ждал, что она кинется к нему, схватит за руку, заставит посмотреть ей в глаза, скажет хоть что-нибудь, чтобы задержать его. Возьмет его лицо в свои ладони, поцелует его долгим, настоящим поцелуем, и тогда плевать ему на разноглазых далматинцев и меланхолических недомерков, тогда он будет готов отправиться вместе с ней, с капитаном Хаддоком и самим чертом-дьяволом на поиски хоть «Единорога», хоть «Деи Глории», хоть какой угодно самой невообразимой фантазии. Но женщина стояла, облитая со спины золотистым светом, не шевелясь, не произнося ни слова. Кой опомнился уже на лестнице, услышав, как жалобно скулит Зас, оплакивая разлуку. Он чувствовал чудовищную пустоту в груди и под ложечкой, неприятно подрагивали икры. Его подташнивало, и на первой же площадке он прислонился к стене, поднес ко рту руки и увидел, что они дрожат.

Суша, пришел он к выводу после долгих размышлений, – не что иное, как широкая коалиция, существующая с единственной целью – досаждать моряку: здесь и пики, не отмеченные на картах, и рифы, и песчаные отмели, и мысы, окруженные предательскими банками, а кроме того, суша населена множеством чиновников, таможенников, капитанов портов, полицейских, судей и веснушчатых женщин. Погруженный в столь мрачные размышления, Кой целый вечер бродил по Мадриду. В голове у него то и дело всплывали потерпевшие поражение герои кинофильмов и романов: Орсон Уэллс в «Даме из Шанхая», Гэри Купер в «Крушении „Мэри Диэр“», Джим, за которым из порта в порт следует призрак «Патны». Разница была лишь в том, что не было ни Риты Хэйуорт, ни капитана Марлоу, чтобы ободрить его словом. Так и шел он среди людей, молчаливый и рассеянный, засунув руки в карманы синей тужурки, переходил улицы на зеленый свет и был такой же серый и бесцветный, как все остальные. Кой вдруг почувствовал себя неуверенным, жалким и вообще не на своем месте. Он жадно поглощал пространство, стремясь найти пирс, порт, где надеялся обрести утешение в привычном – в запахе моря и плеске волн о причалы; но когда на площади Сибелес он замедлил шаг, не зная, в какую сторону свернуть, до него вдруг дошло, что в этом огромном шумном городе моря нет. Это неприятное открытие настолько ошарашило его, что он покачнулся и даже зашатался. Пришлось сесть на скамейку возле ограды парка, и двое военных в красных беретах, с портупеями и винтовками на ремнях, подозрительно глянули на него. Позже, когда он снова пустился бродить по городу, небо на западе, открывающееся меж домами, начало краснеть, а в противоположной стороне все помрачнело и посерело, и обозначились силуэты зданий, где загорались первые огни, – тогда его отчаяние стало переходить в гнев, в едва удерживаемое бешенство, в котором смешалось презрение к собственной персоне, отражавшейся в витринах, и ярость, которую вызывали все эти прохожие: они задевали его, толкали, когда он оставался, нелепо жестикулировали, разговаривая по мобильникам, мешали ему спокойно

пройти своими огромными пакетами из супермаркетов и сами двигались по-дурацки, то прибавляя шаг, то останавливаясь вдруг поболтать. Несколько раз он отвечал на толчок толчком и вдруг заметил, что возмущенное лицо очередной жертвы его настроения стало настороженным и удивленным, когда человек увидел ожесточенность Коя, его злой, угрожающий взгляд, мрачный, как приговор трибунала. Никогда в жизни Кой не был настолько похож на неприкаянного «Летучего голландца» – даже в тот день, когда комиссия по расследованию на два года отлучила его от моря.

Через час Кой уже был пьян – причем вовсе не заботясь предварительно о цвете напитка. Он вошел в ближайший погребок на площади Санта-Ана и, указав пальцем на старую бутылку «Терри Столетнего», чей праведный сон, наверное, лет пятьдесят никто не тревожил, удалился в угол вместе с ней и бокалом. Коньяк крепко шибает в голову, сказал Торпедист, постояв на коленях и вывернувшись наизнанку, когда уже мог судить с пониманием дела. Смертельный случай. Однажды в Порт-Лимоне Торпедист накачался бренди «Дуке де Альба» и полностью отключился, лежа на маленькой шлюшке, которая звала на помощь, требуя, чтобы с нее сняли эти сто килограммов, не то они вот-вот раздавят ее; потом, когда он очнулся в своей каюте – а доставлять на судно его пришлось на фургончике, – он провалился балластом с разлитием желчи трое суток, обливаясь холодным потом и умоляя прикончить его из милосердия. У Коя в этот вечер не было ни шлюшки, на которую можно было бы навалиться, ни судна, на которое можно было бы вернуться, ни друзей, которые доставили бы его на место – на фургончике или просто пехом: Тукуман неизвестно где, а галисиец Ньейра упал с трапа танкера (он всего только месяц проработал лоцманом в Сантандере) и получил разрыв печени и селезенки, – но Кой все равно отдал должное коньяку, раз за разом прокатывая его по горлу, пока все не начало несколько отдаляться, пока язык, руки, сердце и ноги не перестали болеть, пока Танжер Сото не превратилась лишь в одну из тысяч женщин, которые каждый день рождаются и умирают в огромном мире, и пока он не увидел, что рука его, поднося бутылку к бокалу, движется как в замедленной съемке.

В бутылке оставалась половина, чуть ниже ватерлинии, когда Кой, сохранивший таки некоторую предусмотрительность, прекратил пить и огляделся. Крен, хоть и небольшой, был определенно замечен, но тут он понял, что это он сам смотрит с такой точки, поскольку голова его лежит на столе. И подумал, что нет ничего более идиотского, чем в одиночку напиваться на людях. Тогда он медленно поднялся и вышел на улицу. Он шагал, стараясь скрыть опьянение, и, чтобы идти по прямой, параллельно бордюру тротуара, прикидывал расстояние между своим плечом и стенами домов.

На воздухе ему стало легче. Он остановился у памятника Кальдерону, сел на скамейку, упершись руками в колени, и затуманенными глазами стал разглядывать прохожих. Он увидел вчерашнюю троицу нищих с собачонкой: они сидели прямо на земле и распивали что-то из литровой бутылки, а Робокон у входа в отель «Виктория» наблюдал за ними. В ответ на предложение какого-то алжирца купить гашиша Кой только покачал головой: «С меня и так достаточно, приятель», встал и пошел в пансион уже более твердой походкой. К этому времени «Терри» уже несколько разбавился в его крови, моче или в чем там еще, и он уже мог воспринимать то, что видит. А потому заметил далматинца – того самого, из Барселоны, с седым хвостиком и разноцветными глазами: он сидел за столиком в баре у самой двери, положив ногу на ногу, и со стаканом виски в руке поджидал Коя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.